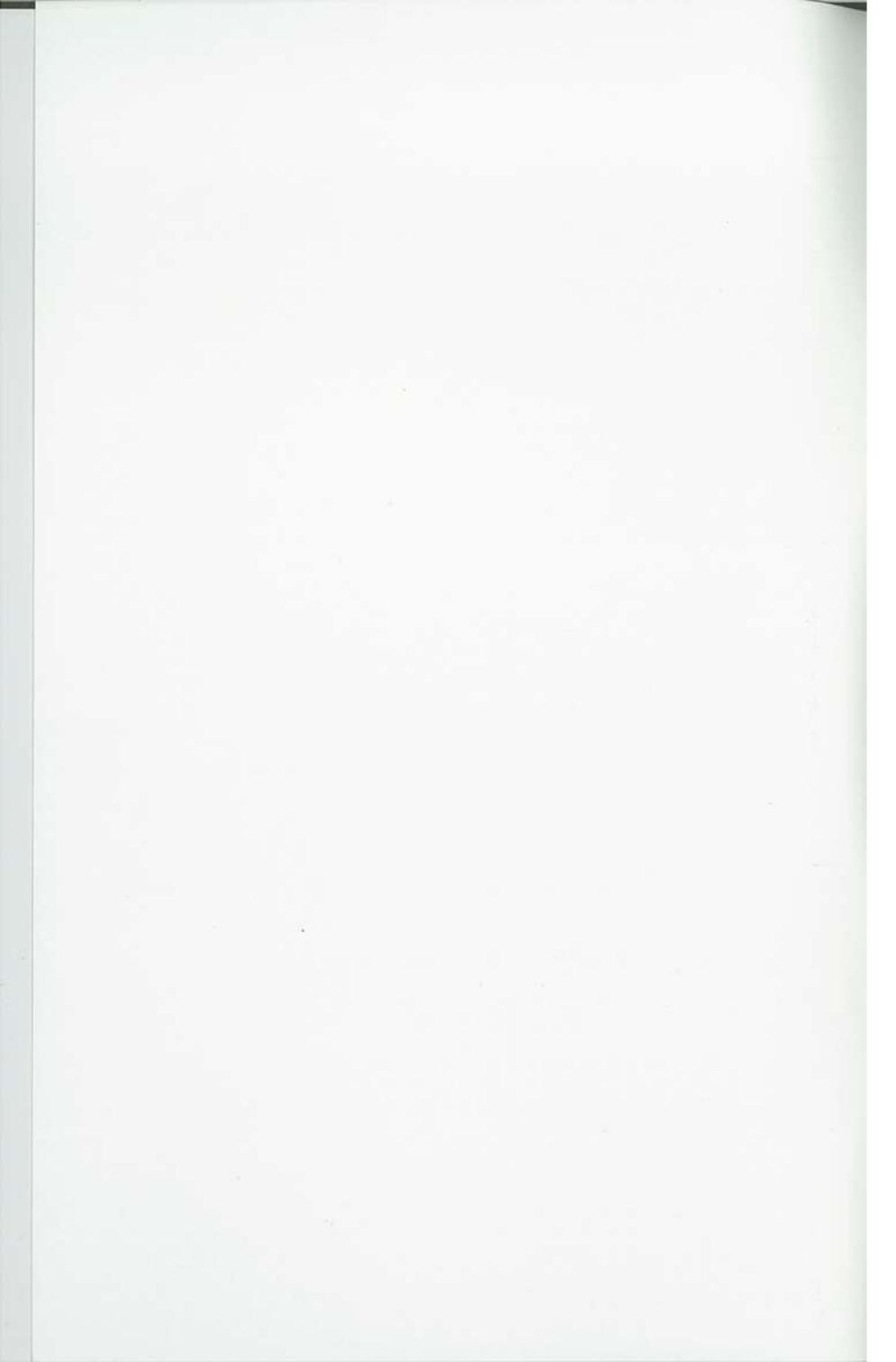

Администрация Выксунского района дарит своим землякам замечательный подарок – серию статей об истории приокского края, о людях, ковавших славу городу металлургов. Сегодня, решая насущные социально-бытовые и экономические проблемы, важно не забывать, что именно в глубине веков таятся истоки трудолюбия и мощного потенциала жителей города мастеров. Авторы и создатели данного сборника сумели донести до читателей чувство глубокого уважения к истории, традициям Выксы, людям, живущим в этом замечательном городе.

Губернатор Нижегородской области
В. П. Шанцев

**ПРИОКСКАЯ
ГЛУБИНКА**

Выкса 2009

Приокская глубинка № 2 (8) • 2009

Уважаемые читатели!

Этот выпуск альманаха посвящен 75-летию нашего города.

Здесь представлен исторический материал с древних времен до 30-х годов XX века, когда Выкса стала городом.

В статье нашего постоянного автора В. Балдиной вы увидите Выксу 30-х годов глазами А. Письменного.

В работах А. Москальчука, Г. Храмовой и Н. Будко представлены несколько исторических эссе, написанных на основе преданий и легенд выксунской земли.

Г. К. Никулина

© А. Д. Москальчук

© Г. Н. Храмова

© Н. С. Будко

© В. В. Балдина

© Администрация Выксунского района Нижегородской области

Александр Данилович
МОСКАЛЬЧУК

ВОЛЬНОМУ – ВОЛЯ,
ИЛИ НОЖИ СТРЕЛЕЦКИЕ,
ЧТО ЗУБЫ МОЛОДЕЦКИЕ

«Бог сердцам зритель...»

*(Из послания князя А. М. Курбского
царю Иоанну IV Васильевичу Грозному)*

*Царь не ведает, что творит,
Вожак знает, куда ведет...*

...Давно не видывала та окраина Мещеры, что с востока замыкалась крепкой стеной Муромских лесов, такого движения пестрого люда в однолетье. Потянулись сюда посадские да из беглых крепостных в надежде начать новую жизнь, укрыться в былинном сонмище лесов от всевидящего ока московитов-опричников. А были еще они и в это 1575 Лето Господне, что заноза в задѹ. Да разве б только это, стерпелось бы, смирилось бы, а тут и не скрыться от них, нигде и никому: ни в светлом боярском тереме, ни в убогой халупе смерда. Горе за ними спешило в дорогу. Страх да смерть разносили они повсеместно, где б ни ступала нога одержимого царского опричника. Замирала жизнь там, где выбивал землю копытом молодой конь на

привязи, обвешанный странными предметами у луки седла. Кромешное время — кромешники и верховодили.

Попадались здесь и из «вольной» слободки, кто еще недавно, играючи двухпудовым кистенем на лесных дорогах, с охоткой шел встречать купеческие обозы и не забавы ради. Случалось, что не боялись они за хороший куш, за крепкую добычу лоб в лоб пойти и на стрелецкую дружину. Не пугались разменять привольную жизнь на блестящее царское золото или похерить ее на дне глубокого лесного оврага с отрубленной головой среди ларцов с изумрудами, распрощавшись навсегда со своей ватагой. Всякое бывало, всякое и быть может...

В ту пору, когда уже не каждый лист спорил с ветром, когда мать-природа начинала втуне готовить себя к зиме, а лесной зверь к долгой спячке, двигался здесь караван необычный — царский. А держали путь они к востоку, все дальше удаляясь от стен первопрестольного града. «С лепотой завсегда тяжело расставаться...»

Давно не помнили такой милости здешние края после большого, последнего и победного похода на Казань, когда конные да пешие полки и отряды воевод Шереметева, Глинского и царского шурина боярина Данилы Романовича Захарьина-Юрьева потаенными дорогами да лесными проселками оказались под стенами столицы татарского юрта. И Казань пала... В первое воскресенье октября, второго числа, 1552 года от Рождества Христова русская хоругвь со стен поверженного града смотрела далеко на восток...

Настойчивое движение русских полков на восток, неудачное поперву, со злостью от поражений и потерь да посланных волею царя, отныне победоносно завершалось воодружением Креста, против строптивного юрта. К срединным русским землям добавилось беспокойное Татарское царство. Непонятное было время — радость с тревогой: сам Шиг-Алей приезжал к русскому царю с поздравлениями и подношениями по случаю... разрушения своих владений. Непонятное? А для русского брата было все яснее ясного: встреченный митрополитом, царь, сняв воинские доспехи и надев шапку Мономахову, с бармами на плечах и большим крестом на груди, возымел огромную радость от победы и махнул рукой! Так затем целых

три дня во второй седмице ноября раздавались дары — и духовенству, и воинству, до самого последнего боярского сына — и все это за земли новые, «кроме вотчин, поместий и кормлений роздано было деньгами, платьем, сосудами, доспехами, конями сорок восемь тысяч рублей». Такова была цена крови мирской, чтобы над новопросвещенным градом Казанским произнеслось православное «Аминь!», а в новозаложенном храме в честь Покрова Пресвятой Богородицы во веки вечные служили Божественную литургию, прославляя имена достойные, как то: царя, Бармы и Василия Блаженного, поминая и русского воина, что отсек своим палахом головы монгольского и татарского чудища и вытравил навсегда страх перед ними у русского православного воинства. Исполать, исполать, исполать — русскому ратнику и простолюдину!..

Теперь же все оказалось куда проще. Края осваивались: строились казачьи городки и заставы против непокорного басурманства, принимали в охотку сюда всех непокорных или неприглядных зело из Александровской слободы.

Царь Иоанн, государь нрава крутого, рассердившись до жути и после четвертого брака, наказал выслать сюда свою благоверную, женишу, Анну Васильчикову, а ведь свадьбу сыграли всего лишь осенью прошлого года, правда, и пир-то был в узком кругу дворовых людей. Ан, нет, не помогло и знакомство Колычевых, что были на свадебном пиру главными дружками у Анны, а сам окольник Колычев ведал свадебным поездом. И поехала та, гонимая тяжкой

превратной судьбой в свою новую, доселе неведомую обитель. Скупое, не по-царски, определив ей из обихода Иосифова Волоцкого монастыря «государские 100 рублей», отправил свою наложницу куда глаза глядят... Туда, где запомнилась «вели тьма», в Мурому, за Оку-реку... Так уж повелел царь — так распорядилась судьба...

Да и царю тоже было не в радость: пятое сватовство, хоть и

без венчания, да не принесло ему счастья и спокойствия на душе, как было это в первый раз, в ранней молодости с Анастасьюшкой...

«...ждал я кто бы со мной поскорбел, — и нет никого, утешающих я не сыскал, воздали мне злом за добро, ненавистью за любовь».

Да, видать, не только ему одному...

А ведало ли сердце цареву, что творила его злобная страсть по извету, как стрела каленая, запущенная звонкой тетивой из расписного колчана да разившая наповал души своих верноподданных?... «Хучь боляр иль дворянских детей, хучь чернецов иль смердов...»

...Дорогой им не раз встречались богатые купеческие обозы, везшие справную снедь да добротную вещь в сторону белокаменной. И где ж, как не в стольном граде, себя показать — товар похвалить. Авось сподобится!..

Не раз уже попадались и мастера от разбоя. И тать крепкая выходила и странная, зачастую скрываясь под сутаной монаха, такого набожного края. Да благо стрельцы оказывались рядом; еще звенела серебром в их кошельях московка, еще твердой рукой правился конь на разбойную братию, иначе — как знать... А то попадались и просто бродяги-христопродавцы, позабывшие все и даже имя свое, не то что совесть иль веру. Всякое в пути случалось, истинный крест, всякое. Темные да гиблые встречались места, темные попадались и люди...

В лесу сумерки наступают рано. Птиц в эту скучную пору уже совсем не слышно, даже смелые сойки исчезают неведомо куда, словно растворяясь в небесах. Холодно и темно вокруг. Время с осени на зиму: еще не выпал первый снег, прикрывающий дремучесть лесных дорог, а потому они вконец раскисли, разбухли, сломались. Огромные рытвины после выкорчеванных бурей деревьев, до краев заполнены дождевой водой и припорошены сверху листом ясеня, дуба иль липы. Озорно ворвавшийся на дорогу ветер крутит их, но поднять уже не в силах. Хорошо схваченный осенней непогодью лист тяжел и не может оторваться от земли.

Вот и обозы в эту дрянную пору все реже появляются тут. Все ждут первого снега, чтоб быстрехонько поменять

колесную пару телеги на добротные сани. Мерзкое время: ни то ни се.

...Из густого ельника, осторожно раздвигая мохнатые лапы, выбирается человек. Одет он в платье, длинное, почти до полу. Красное сукно на крепкой подкладке блекловато и намочено сыростью леса, припорошено слегка иглишником. А ведь совсем еще недавно он красовался в нем среди посадских молодухек, чинно стоял на часах в царских покоях. Как превратно все в нашем мире, как мастерски судьба облачает любого — в любые одежды. Чтоб порой позабавиться... Глядишь, уже и стыд прикрыт, и ломают люди шапку, того не ведая, перед кем, а то бросят косой взгляд да обойдут стороной того, кому не то что в пояс, до самой земли поклониться надо. Судьба-злодейка, судьба-загадка...

Вышедший из чащи человек, оглядевшись, дает знак другому. Второй и ростом, и одежей похож на первого, вот только черная борода выделяется на его лице.

Они словно замешены на одних хлебах, выпечены из одного теста. За добрых молодцев сойдут не только в базарный день. Тот, что первым вышел на дорогу, сняв высокую шапку, припал к ней.

— Плохо слышно, Шмырь. Землю-то еще не сковало, — он поднялся, стряхнул приставшие к платью комья сырой земли.

— Нет, в такую пору обоза не жди. Эх, сидеть бы сейчас в тепле да тянуть из чарочки где-нибудь в кабаке на Сытном дворе а, Шмырь?

— Так служил бы царю, рвение ему по нраву. Пошто со мной подался? Жалованье платили исправно, да и пригляделся ты из всех посадских нашему полковнику. Глядишь бы, и землю вскоре дали, дело б свое повел. И угораздило ж тебя со мной пойти. Ай и за то спасибо, — тот, что звался Шмырем, снова вернулся в ельник. «Что зря болтаться на лесной дороге, и чашара не спрячет».

— Не-ет уж, хватит. Четвертую весну, почитай, как в слободу ежду. Насмотрелся. Рук своих стал бояться, в крови они у нас всех, в большой крови. В прошлый раз в аккурат после Покрова по дороге в слободу два посада пожгли.

Лютует царь-государь, в злобе на свой народ пребывает, в большой злобе. И за что такое наказание?

— Эт ты, Коляда, правду говоришь. Застила злоба глаза царю: самого митрополита не пожалел, на церковь руку поднял. Добром все это не кончится. Накажет Бог и за митрополита Филиппа, и за нас всех, грешных, накажет. И нас заодно... А Малюта-то, сукин сын, скольких людей в новгородском походе зазря положил. Ужо и ко мне подбирался. Да только не дошла моя очередь на дыбу, а то бы вздернул, и глазом не моргнул, сволочь.

Шмырь достал из-за пазухи склянку, вытащил пробку, хитровато улыбнулся.

— На, сердешный, прими два глотошных, не то окочуримся.

Коляда отпил несколько глотков, вернул склянку и заговорил оживленно, будто почуял запах винных паров и тепло Сытного двора.

— Эх, хороша, как огонь! Слышь, Шмырь, тут давеча слух на постоялом дворе прошел, будто царь из палат своих государыню Анну выслал во гнев. А кто говорит, что она только нареченная... Словом, выслал из столицы, и поговаривают, что сюда, к Мурому. Сказывали еще, что и отряд при ней небольшой состоит, а кто в полковниках, неведомо...

Коляда стал бить себя по бокам, пытаясь быстрее согреться, видать, «снадобье» было крепкое, да мало.

— Стало быть, и нам надобно подаваться за Оку, от греха подальше. Не ровен час явятся, а ежели кто из Александровской слободы, с ними не миновать беды. Поверь мне.

— Не бойсь, Иван, так просто они нас не возьмут. На кол садиться не хочу. А седмицу-другую обождать надо, авось с первым снегом и обозы потянутся в столицу, а? Да и харчей надо бы в дорогу, и одежда вон как пообносилась.

— И то верно, — Иван Коляда снова вышел из ельника на дорогу. Уже совсем темень колола глаза, и его фигура уже в пяти шагах пропадала, растворялась во мгле. Вскоре он так же неожиданно появился, как и неожиданно пропал.

— Не-е, ничего не слышно нынче, видать, еще день пропал. Пойдем, Данила, на постоялый двор. Там хозяин добрый, московку с нас не требует.

Коляда с улыбкой посмотрел на старшего, мол, согласись.

— Да, с тебя требуется, Бог силушкой не обидел. А и то дело, перекусить надобно, с утра маковой росинки во рту не было. Пойдем, сослуживец, пойдем, родимый.

Данила в охотку похлопал Коляду по плечу, шуткуясь, а казалось, будто дубовой колодой «обхаживали» красный кафтан, выбивали пыль да грязь с него после дальней дороги. Эх, молодо-зелено!

Мохнатый ельник снова скрывает их, и они пропадают в ночном лесу, направляясь к небольшому селеньицу, к большому счастью для всякого, затаившемуся всего недалеко от Московского большака. Так-то надежнее.

На постоялом дворе, куда вернулись беглые стрельцы, стоял невообразимый шум. Несмотря на темень и промозглую погоду, хозяин, стоя на крыльце в одном исподнем, не на шутку расходился на своих служек. Только один из них стоял рядом и держал услужливо несколько тающих на ветру лучин из смолы. Огонь косо высвечивал дверной проем в длиннющем сарае, где все копошились люди.

— Еремей, все сбруи проверь да новую упряжь приготовь. Нет, не ту, не ту! — Хозяин только сейчас заметил, как к крыльцу подошли знакомые стрельцы — Шмырь и Коляда. — Не ту, говорю, ай не слышишь. Что в прошлом годе в Нижнем брал, с бляхами да с бубенцами! Ерема, аль не нашел, тады кликни ко мне Власа!

— Пошто кастеришь в такое времечко честной народ, аль провинился за што? — Шмырь взошел на крепкое добротное крыльцо, кивнул другу, чтоб следовал за ним. — Накинул бы на себя чего, Афанасий, не ровен час, прохватит, чай не май месяц на дворе. Так што стряслось-то?

Чернобородый стрелец знал хозяина постоянного двора уже несколько лет. Все последние годы ему приходилось не раз по наказу возвращаться из Александровской слободы через Нижний, вдоль самой Оки, где у места встречи старицы с рекой приходилось подолгу ожидать переправы, дабы ступив на муромскую дорогу, гнать коней прямохонько в стольный град с депешей от местного воеводы.

Здесь, на муромской переправе, и познакомился он с Афанасием. Дитина огромного роста, хоть и не был родом из Карачарова, да сродни был тем древнерусским богатырям со своей основательностью и во взгляде (на реку) и в деле (за рекой), а потому обосновался здесь в пойме старицы и завел свое тайнообразующее дело... Окромя постоянного двора, содержал он с высокопочтимого разрешения и переправу в оба конца. Минуло время — заимел он, неведомо как, и людишек своих. Многие в охотку прибивались к его берегу и неспроста шли к нему в услужение. Может, словом кого приворожил, может, делом привычным, а может...

Афанасий со стрельцами вошел в избу, указал на просторный стол, велел накрыть. Пока служивые рассаживались, он подошел к красному углу, где на прилобочке стояли в рядок образа, и троекратно осенил себя крестным знамением.

— Господи, милостивый Господи, спаси, сохрани и помилуй от напасти нас, грешных. Пошли день грядущий в радость приносящий, да не всуе, Господи!

Полуночные гости переглянулись, толком не уразумев пока ничего, также перекрестились размашисто. Наконец, Шмырь не выдержал:

— Да, што случилось-то, Афанасий? Ежели што из-за нас, так мы долго у тебя не задержимся. Нам все одно обратного пути на Москву нет, да и от извета погибать нет надобности. День-другой, и, пожалуй, за реку подадимся. Ты не серчай, а скажи все как есть, Афанасий.

— Што ты, што ты, окстись, Данила, боже упаси, для вас всегда хлеб-соль найдется. — Хозяин присел к столу. — По-годь чуток, дай дух перевести, сейчас поведаю.

Афанасий приготовился было рассказывать, как в дверь тихо постучали и почти юркнули с холода, словно боясь занести в теплую, натопленную избу ночную прохладу и сырость с реки. В дверях топтался маленький мужичонка в поношенном зипуне в онучах под лапоть; маленькое лицо его, величиной с блюдечко, с острым маленьким вздернутым носиком, с маленькими бегунками-глазками — все говорило о его потаенной хитрости и изворотливости в душе. Он дождался, пока к нему обернулся хозяин, поклонился в пояс.

— Яй это.

— А, Влас, ну, што там? Нашли, как я велел?

— Нашли, хозяин, уж как наказал, так и сделали. И упряжь, и сбрую с колокольчиками, все новое заготовили. Еремей вот только упрямится, говорит, ковать лошадей только поутру будет, а надысь отказывается... — все произнес он на одном дыхании, пристально глядя на хозяина, казалось, даже не мигая. Странно, гады тоже не мигают...

— Ладно, ступай и чтоб ни свет ни заря всех на ноги поднял, и чтоб подставу из добрых лошадей приготовили. — Афанасий махнул рукой, давая знать, чтоб тот удалился, и Влас бесшумно пропал в сених, в мгновение ока оказался на воле.

— Ишь, какой услужливый, аки вьюн под стругою, и давно он у тебя? — Данила что-то не припоминал его ранее из всех служивых постоялого двора. — Ну, да ладно, выкладывай, не травми душу. Пошто такой шум на дворе?

И Афанасий, положила руку на сердце, поведал. Сердцевещун наказывало поделиться...

— Давеча, в аккурат пополудни, как вы подались на тракт, примчалось во двор семь всадников. И все из ваших, из стрельцов... Правда, старшой и его поплечник из опричников, хоть и мало их, но опасная стража... — И Афанасий как на духу поведал все...

Головной всадник, гнавший галопом своего коня, чуть было не проскочил большие ворота постоялого двора. Безудержно,

не жалея своих буцефалов, гнались стрельцы, желая обогнать молву об опальной царице, которая, словно на крыльях лете-ла, покинув высокие стены немилосердного Кремля. Вороной масти конь, закусив удила, поднял наездника резко вверх, на мгновение грациозно замер и лишь затем выбил копытом горсть муромской земли. Поспешавшие за ним всадники тут же осадили своих коней и друг за другом въехали на по-стоялый двор. Взмывленные лошади и усталый вид гонцов — все говорило о дальней дороге, преодоленной ими. Не один десяток верст пришлось проскакать по муромскому тракту, пусть и самому краткому от столицы, да вовсе небезобидному со времен Соловья-разбойника, даже для таких всадников. Да и постоялых дворов в эту сторону, даже после четвертого по-хода на Казань, было не ахти сколько. Места эти, знамо дело, чем славились...

Однако все всадники и особенно старший из них не то-ропились спешиться.

Весть, загнавшая их сюда, не миновала никого и сильно нуждалась быть доставленной именно ими. Одно слово, что страдники, опричники — государева опора, обману не поддаются, не то что боярская подлость льстецов да князей-лицемеров, все кланчащих наград да земельных наделов от переделов татарского юрта.

Так и не слезая с коня, старший, привстав на стременах, зычно, куда подевалась усталость, крикнул собравшейся перепуганной дворовой прислуге.

— Хозяин где? Кликните его быстрехо!

Состоящий при лошадях на дворе Еремей оказался сме-лее всех: подошел и взял коня стрельца под уздцы. Конь почувал сильную руку, успокоился.

— Так где ж ему быть, как не у себя. В избе он.

— Лясы будешь точить, холоп! Запор-рю! — И стрелец-кий старшина, выхватив из сапога шелепугу, наотмашь ударил конюха. Затем вновь занес плетъ над головой Ере-мея и стал бить сильно, с толком, в удовольствие, будто и не было долгой дороги у него за плечами. Разгулялась крученая плетъ, словно потехи ради. Смерду без плети ну никак не обойтись.

Еремей колодой завалился наземь, а удары сыпались на него градом; остальные стрельцы принялись гонять плет-

ками всю челядь по двору. Не ожидали они такой прыти холопской, и только один среди постояльцев явился, словно вырос из-под земли, пред старшиной, упал на колени, едва успев скинуть шапку.

— В избе хозяин дожидается, — вкрадчивый голос его оставил длань старшины на верченном взмахе. «Эх, пронесло...» Старшой смерил холопа злобным взглядом. Ярко-красный след от шрама на его лице надулся, побагровел, казалось, не усмирить гнев в сей миг, да и сказано-то под руку.

Замахнулся — так бей!

С трудом тот опустил руку, словно одетую в свинцовую рукавицу, тяжелую, набитую не раз, не единожды пущенную в ход, да зачастую понапрасну. Опустил свою надежную «булаву» и посмотрел на ничком лежащего холопа. Съевшийся, он был величиной с ребенка, и только бегающие глаза да голос выдавали в нем взрослого человека. Пожалуй, даже старшинская плетка так и не достала бы до его хребта, захоти он. Такой тшедушный был этот холоп, невзрачный да с ерзаными глазками. Благо плетка-неразлучница завсегда себя в обиду не даст, а по спине чужака-обидчика всегда протянет...

— Дожидается, то-то! — Головной всадник дал знать стрельцам, и те, осатанев было совсем от такой порки, уняв свою силушку, остывали. Разом все спешились, заправив за голенища своих сапог плетки-кудесницы. Некоторые и впрямь переусердствовали: вытирали пот со лба. Нелегкая эта служба — с холопами разговаривать. Спасибо ей, палочке-выручалочке, спутнице кромешной. А как иначе разговор завести?

Афанасий, как только услышал лай псов на дворе, а затем шум и ругань, глянул в оконце: «Ба! Принесла нелегкая... Свят, свят, свят». Накинув новую одежду, выбежал на крыльцо и к старшине.

— Надежа наша, смени гнев на милость! — Афанасий смело встал между Еремеем и всадником. — За што провинились люди мои перед стрельцами государевыми? За што? И перед государевыми слугами — мы все слуги.

Старшину несколько не смутил огромный рост подбравшего к нему человека. Он властно, как привык перед смердами, ткнул его рукавицей в грудь.

— Ты, што ли, хозяином будешь? Имя твое, холоп?

— Афанасий, Петров сын... — Он только сейчас заметил, как стрельцы дружно взяли его плотным кольцом. Красные кафтаны не сулили ничего хорошего.

— Веди в избу! Да вели накормить наших коней, останавливаться на ночлег не будем, как стемнеет, сразу и отправимся.

Всадники гуртом последовали за старшим, а тот — передом за хозяином. «Попробуй, не пусти!.. Песья голова и мертвая укусит... иль на козел за собой позовет...»

Большой дом хозяина постоянного двора делился на три комнаты: светлая горенка с божничкой в красном углу — с иконами и лампадками, с небольшой русской печью и кутным углом, с несколькими лавками вдоль стен и столом, начисто выскобленным ножами. Три небольших оконца были залеплены бычьим пузырем. Большое помещение было отведено под ночлег постояльцам. Образов здесь было меньше, зато Николай Угодник — всем в дорогу! Большую часть занимала огромная печь, поставленная по косому углу от божнички на северо-запад, а потому, что поутру мужики свои иль калики перехожие молились строго на восточную сторону: «Оттеля Господь на Русь святую смотрит!..»

Хоромный наряд был полный: просторные палаты от печи, примост и крепкие дубовые половицы. У печи стояли кадки, долбленки из дерева и корчаги из глины. На загнетке из щенников вкусно пахло щами из серой капусты. В печном углу на прилавке грелся огромный пушистый кот, искоса ведя носом в сторону горшков с кашей. Здесь и топтался круглый день всякий народ и редко кто трижды в день стучал об стол деревянными ложками. Не задерживались. Да и надо ли, ночь схоронясь переждать, а уж с первой зарей на волю охота податься. Еще одно помещение держалось для прислуги.

Афанасий проводил горе-гостей к себе в горницу. Выставили стол на середину, усадили стрельцов. Накрывала сама хозяйка, которая затем поспешно удалилась. Пошла проведать, накормили ли коней, Афанасий просил. Выйдя в холодные сени, столкнулась с вездесущим Власом, тот не ожидал и засуетился при виде хозяйки.

— За лошадьми бы присмотреть надо, накормить, попоить. Загнали бедных.

— Вот ты и присмотри за ними, а я к Еремею, досталось бедняге. А ты, гляжу, опять из воды сухим вышел. И что ты за человек, Влас? — хозяйка выпроводила его из сеней во двор, посмотрела ему вслед. Тот уже семенил к стрелецким коням, покрикивая на ходу на перепуганную прислугу.

— Ну, что замерли, аки истуканы, зерна коням поддай и ослободите их, разнуздайте для отдыха. И сенцом, сенцом испарину-то с коней уберите, чай, не впервой! Ну, что устались?

— Так ведь Еремея вон нынче как «растележили», кабы чево не так. — Старый конюх Анисим, весь век свой состоящий при лошадях, с опаской пошел в амбар за зерном, подумывая: «Ну, чистая злыдня ты, Влас, в образе...»

И впрямь, что за человек был Влас, какого роду-племени, никто не знал. Заявился он на дворе у Афанасия лета четыре назад, в такую же гнилую пору, по осени. Дворовым о себе не любил рассказывать, может, что-то и поведал, да только самому хозяину. Со временем одно только и узнали, что пришел он из-за реки, хотя все бежали за реку...

Поначалу определил его Афанасий к лошадям, под присмотр Еремея, да вскоре перевел в дом, чтоб присматривал Влас за постояльцами: всякие бывают — всякое и может быть. Свой глаз, свои уши имел он в этом маленьком неказистом человечке. Все заметили за Власом умение сходиться с людьми, словом, подчинять их себе, лестью привечать, что оборачивалась для многих потом хозяйской злобой. А это за Афанасием и не замечали вовсе.

И вскоре стали дворовые сторониться Власа, искоса смотреть на него, попросту бояться. Но и сам он пуще, чем хозяина, побаивался одного человека — конюха Еремея. С первых дней заприметил тот в глазах новенького нехолопскую угодливость. Изворотливый малый оказался, что уж сквозь рогатины. И началась промеж них скрытная борьба — кто кого?

Нынче ликовал Влас, стрельцы ловко «выручили» его, обрушив свой гнев на Еремея. Да, не всякий раз на таком дворе такие гости заявляются, иначе б был у него каждый день в праздник, у Власа-то...

Стрелецкий старшина, сняв шапку и перекрестившись перед образами на божничке, сел с братией в передней, в горнице, и повел разговор с хозяином постоянного двора.

— Слушай да запоминай, Афанасий. Другого раза не будет. Знамо нам, что твой двор последний у Муромы, да и переправой ты ведаешь здесь. — Старшина перевел дух, собираясь поведать главное. — Так вот, Афанасий, жди больших гостей. Дня через три-четыре заявятся они к тебе. Им эту дорогу не миновать. И ты прими их, как принял бы у себя всякого болярина...

Вот и слушал Афанасий стрельца, прикидывая в раскидном уме: «Это ж какие такие чопорные гости, будь они неладны... Чего-чего, а уж гостями нас не удивишь, всяких насмотрелись». Правда, теперь и он начинал догадываться, что таких гостей тут отродясь не видавали. Знать, не зря примчались стрельцы, переполох устроили, напугали до смерти, видать, важные птицы.

Медовуха пришлась по душе стрелецкому старшине, в чарке не виделось дна. И он, слегка подобрев, продолжал:

— Прибудет сюда с людьми своими сама... государыня, — он перекрестился, будто каменюку с груди снял, и уже совсем смелее заявил: — Да не одна она, а будет при ней состоять отряд, возок да три повозки с прислугой. Предписано встретить ее не то чтоб чинно, но с душою, переправить всех через реку кого велено.

Стрельцы развязали кушаки, ослабили кафтаны. «Эх, медовуха-развязуха, языку не удержаться, да и душа вон выпрыгнет!»

— И еще проводник нужен хороший, надежный, и чтоб ту сторону реки знал на много верст вперед. — Старшина осилил еще одну кварту медовухи, стрельцы охотно поддерживали и выпили еще по красауле. У каждого ж своя мера: кому чарка — за стол, а кому впору — под стол. — Да и коням особый присмотр, дорога, ишь, дальняя.

Афанасий при упоминании государыни встал и перекрестился. И верно: земля слухами полнится, знать, не зря разговор еще третьего дня на дворе прошел...

— Государыня?! Сама государыня!..

Откровенное удивление хозяина постоянного двора сменилось на его лице вопросительным взглядом, и вопрос сей чуть было не сорвался с его языка, да язык нынче дорог. А старшина, хоть и хмельным взглядом, да опередил Афанасия.

— Вот я и говорю, примешь, как и подобает... А кады переправишь на ту сторону, дай знать через гонца вестью. До твоего возвращения мои стрельцы побудут у тебя. Чай, для двоих места найдешь!

— Стало быть, отряд с нею будет, а каков? Места наши не зря што муромские, бывает, и шалят в округе. Не ровен час, и волки могут в пути попасться, времечко-то нынче, вон какое голодное.

Афанасий не стал скрывать от гостей и поведал, что зверь в эту пору смел и голод гонит его к людскому жилищу. Жуть, да и только.

Уже в который раз по ту сторону, у самой переправы, слышал он, как выли волки, пронзительно, перекрывая друг друга голосами, знать, собирались в стаю. Правда, и то сказать, люди, живущие у реки, давно попривыкали к этому, хоть и принимали подобное с тревогою, как сигнал об опасности. Волки же словно всякий раз бросали вызов людям, появляясь именно в эту пору в кущих зарослях старицы, неподалеку от переправы.

Бывало, что стая подолгу не оставляла путников и вожак вел смело ее вдоль тракта на восток. На открытых пространствах держались на расстоянии, но держались гордо, выстраиваясь друг за другом в живую цепочку, словно выжидая момент для нападения. В лесу же вожак вел стаю так близко у дороги, что с наступлением сумерек всякий путник ежился при виде череды горящих волчьих глаз, крестился, проверяя рукою крест-оберегу, старался погонять лошадь да пододвигал к себе поближе дружку-топор. Береженого бог бережет, знамо дело! И отчаянные головы, зная это, не спешили в такую пору на волю, а коротали вечера у Афанасия — в тепле да за чаркой. Так-то сподручнее.

Отведав угощения хозяйки, старшина слегка подобрел; стерляжья уха с потрохами, капустные пироги и крепкий сбитень, напрочь забыли долгую дорогу. Оставив за себя

двоих, стал собираться в путь, решив добираться старым Московским трактом до стольного града так же быстро, как и сюда. Служба и долг торопили в дорогу. «Теперь надо сподобиться, чтоб пред хитрые и ярые очи царя встать да нужное слово вставить, это тебе не с холопами лясы точить да над ними суд вершить, тут можно и опростоволоситься... Какой голове хотся с кола поглядывать... Лучше гривну на золотой цепочке заполучить или грамоту на землю в земской Водской пятине, там ныне после смерти Малюты множество земли в запустении...»

Перед отъездом все — и челядь, и постояльцы — уже хоть видом более покорные, вышли к воротам проводить государевых людей. И только Еремея среди них не было видно: еще не улеглась на сердце обида, плетка стрелецкая, что змея жалом зацепила. Зато Влас стоял поперед всех дворовых и ловил взглядом стрелецкого старшину. «Не упустить бы...» В маленьких тонких губках была зажата лукавая улыбка, нос вздернут, словно задиристый воробей перед большой птицей, он показывал всем дворовым свою смелость перед стрельцами. В поклоне произнес.

— Ангела-хранителя вам и легкой дороги!

Теперь в Воробьеву слободу потащатся — к женушкам под бок... или в кружало на Сытном тройной зеленчак хлебать. За спиной Афанасия вдруг неожиданно появился конюх.

— Эх, Ерема, сидел бы ты дома...

Афанасий уже с задумкой на день грядущий тихо обронил: — Иди в избу, разговор есть...

Стрельцы тронулись в путь, дворовые нацепили шапки. Холодно, да и не пристало их брату долго ломать шапку, даже и пред кафтаном из красного сукна. Человек, татейный иль разбойный — все одно, хорошо знал цену себе на таком пути. А коль зачастую он был кратким и каленые лезвия бердышей частенько хватали их головы лихие, то и сама жизнь казалась за большой праздник. «Богомолец Никодим, что жил за рекой в муромском притворе, говорил, мол, воскресенье — малая Пасха! Праздник несусветный! Так, для нас и будни скоротать и душу вон не выпустить — уже за праздник!.. А кто ж от него откажется?..»

Такая задумка, почитай, у каждого застряла под валяной из овчины шапкой, несуразно нахлобученной на голову, стриженную под горшок.

Стало быть, вновь наступала пора, не дожидаясь первых петухов, заниматься своим, нужным ремеслом, коль «вели-тьма», коль сам Бог напустил такую темень в здешних сосновых борах, что ни ранним утром, ни поздним вечером нельзя было распознать по шороху в лесу — что это? Тать крадется краем или волк высматривает себе добычу. А она будет, непременно будет, только кому первому достанется: в ловкие ли руки шаловливые удалыца вольного иль вожаку стаи — тот первым и отметит свой праздник. И каждый — по-своему...

Как только Афанасий закончил свой рассказ, Данила Шмырь обернулся к Ивану.

— Знать, сам стремянный, бывший ранее у Малюты, сюда пожаловал, — он хорошо запомнил того по глубокому шраму на лице. — Стало быть, государыню-матушку сопровождают, вишь, в опале она... А гости-то где?

— На полатях спят, после медовухи-то, ишь как разобрало! Может, сокрыть вас на время? — Афанасий погасил сальную свечу в глиняной подставке.

— Сами схоронимся, только как заявятся к тебе, дай знать, лады? — Шмырь встал в сторону образов, поклонился Спасителю в силах. — Спаси, Господи, за хлеб-соль, яко насытил еси Твоих благ!.. Спасибо и тебе, Афанасий, что приветил нас, не побоялся чужого языка. Нынче же и подадимся мы к переправе, там и будем ждать от тебя весточку, с твоим человеком.

— Не сумлевайтесь, — провожая беглых стрельцов, в сениях шепотом сказал. — Как заявятся ко мне, так ждите от меня Еремей. Он человек свой и места те крепко знает. А пока держитесь правой руки за переправой. Там, за рекой, старица сильно балует, петляет, как пьяная. Чужие боятся туда подаваться, а свои, так те давно знают: туртать, тревожить их никто не посмеет. После последнего похода на Казань на Московском тракте все спокойно. Заставы рассажены. Ежели опричники иль стрельцы здесь и унорят чегой-то, то вряд ли чегой-то найдут. Скрытно да скромно живем тут. Вот. Ну, храни вас, Господи!..

...Афанасий не зря просил, чтоб стрельцы, уйдя переправой, держались по правую руку на том берегу. Вдоль и поперек обходил он эти места с Еремеем и при случае отыскал бы их там. И хоть место было и непростое: бежавшие от опричнины и после Юрьева дня иль просто воры до самой глубокой осени обитали здесь, надежно скрываясь в густых зарослях молодого ивняка, да и обилие болот и ручьев с притоками затрудняло всякое движение верхом, — отсидеться можно было, если б не погода.

Старое русло Оки — старицу — нарекли в здешних краях не иначе как «пьяной» рекой, а все за ее крутой нрав, проявившийся в частых и крутых изворотах, вдоль всей ее огромной, открытой пространству поймы реки. Саму же Оку-реку тут мало кто величал по имени, словно и не могло здесь быть иных рек и протоков, как только она одна, такая богатая рыбой и водью, плавными перекатами да серебристыми плесами на отмелях, вот и звали ее просто — РЕКА.

Да и какой же еще другой реке здесь быть? Одна она только и являлась здесь всей своей широтой, такой исполинской, могучей, властно рассекавшей своей стихией всю непролазную Мещеру с юга, безбоязненно раздольем своим, вторгавшимся в дебри Муромских лесов, и так же храбро покидавшая их, будто нашла заветное, потаенное слово к былинным прашурам, договорилась да и покатила свои воды далее... Словом, как бывает меж сильными и смелыми в самой матушке-природе, а что до человека — так ей спросу к нему не было никакого... Это он, человек, с поклоном приходил к ней!..

А река была сильной, со строптивым норовом, кудесницей. С первой весенней каплей только она и верховодила в здешней округе. Едва теплый ветерок долетал сюда, заявлялся в протоки и заводи старицы, как слезавшийся было за зиму снег начинал подтаивать, темнеть поперву, а ледяная корка с залысиной покрывалась множеством морщин-трещин. Частые же бугорки обнажались скромными проталинами, что издали завлекательно смотрелись реденькими небесного цвета подснежниками. «Солнышку благодарствуем!»

В ночи на реке раздавались тревожные звуки, будто она в последний раз ворочалась в своем холодном ложе, а на-

утро, проснувшись с первой зарей, потягивалась во всю ширь русла, словно сбрасывая короткое прошлогоднее одеяло, рвала ледяной панцирь, безжалостно расставаясь с ним до самого ледостава. «Ух, натерпелась!..» И уже меж льдинками плескалась свежая водица — река обзаводилась обновой!

Ледоход был бурным. Ледяные торосы, стараясь потеснить друг друга, сталкивались с грохотом, крушились, и уже их хрупкие обломки выходили на чистую воду. Других же собратья выталкивали на обочину: толстые льдины вылезали на берег, ломая прибрежный кустарник, порой подминая под себя и лодчонки, ботники-долбленки нерадивых хозяев. К счастью, то было последним действием, натиском-буйством весны. Солнце уже поджидало и примеривалось ко всему своей лаской: ото льда и след простынет вскоре.

И вот уже пойма, широченная с заливными лугами, спустя лишь несколько недель вам ничего не скажет о ледовом противостоянии. Все минуло, а сколько воды утекло! Еще не на одну старицу хватит...

Но то все весной!..

Сейчас темные воды реки катились вниз по течению, торопились в канун ледостава еще до первых заморозков успеть слиться с другой могучей рекой-там, севернее, у Дятловых гор, у подножия крутого косогора, образуя силуэт наконечника стрелы, застрявшей на изломе историй...

А холода приближались, и это чувствовали все: и люди, и звери. Опавшая листва сделала заросли редкими, и уже было трудно скрываться в них всякому человеку. И с сумерками там начинали появляться едва уловимые тени, которые вдруг в ночи зажигались угольками глаз хищников, что вытесняли со старицы на зиму даже самую смелую тать. Гиблое место получалось: иль тать, иль гать, иль волчья свора поджидали всякого здесь, кто посмел по воле случая оказаться в эту пору тут. Не позавидуешь, даже если Бог за всех и каждый за себя...

Вожак уже в который раз приводил свою стаю в эти заросли; от переправы недалеко, да и люди с холодами покидали эти места. Вот и сегодня он вывел всех на одну из бывших стоянок. Она была достаточно большой: сохранилось даже

несколько шалашей, по-видимому, их хозяева поспешили отсюда сразу после пришедшего ненастья. Вожак повел носом: ничто не говорило о присутствии человека. Он делал это всякий раз, когда имел дело с людьми, быть может, оттого осторожность в пути следовала впереди него самого и стая, ведомая им, ни разу не попадала впросак.

Сегодня уже было хуже. Ветер к вечеру сменил направление и задул на левобережную сторону. И хотя переправа в такое время и в такую пору зачастую безмолвствовала и ни единого голоса не доносилось с лодок по воде, дорога от нее сюда, к старице, попадала теперь в подветренную сторону.

Державших путь к стоянке теперь было легче заметить, хоть и с опозданием, нежели учуять задолго до их появления, как прежде. Осторожность колола глаза.

Вожак, выделявшийся своим ростом даже среди одногодков, вернулся в хвост стаи. Ему не нравилось, как дует ветер, но и не хотелось совсем менять на сегодня стоянку и вновь плестись в сторону хмурого леса, пусть и более укромного места. Он не любил эту пору: надо было постоянно мотаться между рекой, старицей и дорогой, ведущей в сторону людских жилищ. А это значит, постоянно идти открытой местностью, пусть и напрямик, но идти на виду у всех, даже если и все к этому привыкли. Сегодня он был на распутье. Стая почувствовала, как вождь, голос и решительность в выборе которого были для них всегда ясны и однозначны, сейчас будто мечется и не дает привычной команды.

Матерый вновь вернулся на свое привычное всем место. Опустился на задние лапы, стая последовала его примеру, обрассав вкруг него живое кольцо. Два сеголетка, этот весенний выводок волчицы, улеглись вкруг матери. Беззаботные и глупые еще, они беспрестанно крутили мордочками и больше доверяли чутью своей матери, нежели опытному вожаку, которому подчинялись здесь все, даже и их мать-волчица, доставшаяся ему четыре весны тому назад после схватки с назойливым соперником. С тех пор они вместе. С тех пор выросшая в несколько раз стая не знает иного вожака во всей округе. С тех самых пор прослышали про вожака и люди, от чистого сердца не искавшие с ним встречи.

За РЕКОЙ он был ХОЗЯИН...

Но что это?..

Вожак встрепнулся, дрогнули напряженные мышцы, глаза пронзили опускавшуюся мглу и цепко выхватили оттуда двух путников, шедших смело и уверенно в сторону стоянки, к шалашам. Он только теперь почувствовал себя спокойнее, именно при виде людей; предчувствие, тревожное и непонятное, весь день не отпускавшее его, оправдалось-таки.

Едва слышно подав голос, вожак дал знать о приближении людей. Стая отреагировала мгновенно: на сей раз в центре круга осталась лишь мать-волчица с малышами, остальные выстраивались вслед вожаку. Все теперь видели двух высоких людей, державших путь в их сторону. И не просто видели, уже чувствовали запах, тот самый, что познали многие из них, когда встречали таких же в лесу. Какой-то особенный запах, исходивший от непонятного содержимого в маленьких круглых баночках, висевших рядом у их пояса. Правда, в тех случаях этот запах сопровождался еще и густыми клубами едкого дыма, следовавшего за самым страшным — убийственным огнем, разящим наповал их, разметывая напрочь всю стаю.

А люди, не подозревая ни о чем, все шли и шли по той самой узкой тропе, что, петляя буераками, привела раньше их сюда зверя. Вспомни они Афанасия слово, остались бы у переправы: какого рожна искать им встречи с ним. Увы, не знали иль плохо ведали; ай и то правда — не знай, что лучше — к волкам в пасть иль к царю на дыбу? Вожак, пройдя сегодня днем большой путь, сам не желал встречи с людьми, да и волчица устала. Еще дорогой ей часто приходилось останавливаться, сбивая стаю с шага, и унимать разыгравшихся волчат-шалунов. Они то и дело резвились, гоняясь друг за другом, катались кубарем и при этом пищали, как собачьи кутята. Волчица понимала, как это не нравится вожаку (идти надо было скрытно), но в душе радовалась: нынешний выводок был мал, не то что прежде, но крепким — на ноги встали рано, да и забавными оказались, сердце тешили. У обоих на взъерошенных холках было по два светленьких пятнышка, будто отцовские метки, да и своим задиристым характером напоминали они хозяина стаи.

За разговором Данила заметил волков поздно; стая брала их уже в кольцо. Он только успел повернуться в сторону

Ивана да кивнуть, мол, смотри. Волки тоже смотрели на них, словно разглядывая свою жертву, но не двигались с места — вожак молчал.

Это, пожалуй, и спасло их. Оба, не сговариваясь, потянулись к ножам, встали друг к другу спинами.

— Глупо будет, ежели сгинем тут, — Шмырь сбросил мягкие кожаные ножны со странно изогнутого кривого ножа с сучклявой можжевелевой рукоятью, сделанного ранее из бывшей татарской сабли.

— Кажись, Афанасий молвил, что волки в этих краях ненароком могут быть. — Иван Коляда пригнулся, проверил запасной нож за голенищем сапога.

— Господи, спаси, сохрани и помилуй! Давно я ихнего брата не видывал, ишь какие...

Забияка-ветер не стихал и вновь изменил направление: задул с реки и донес свежую ночную прохладу. Ночь окончательно пленила всех, подмяла под себя всю округу, оставив право разве только за вездесущими звездами быть или казаться нетронутыми на этой таинственной картине да скрашивать присущую осеннюю мглу.

Вожак почувствовал изменение ветра, теперь он был с подветренной стороны и мог смело выстраивать свою атаку. Всякий раз маневр стаи был разным, и только право начинать неизменно оставалось за вожаком. Вот и сейчас он повел мордой по сторонам, жадно вбирая в себя воздух со всеми чужими для него запахами, будто в последний момент уясняя, что пора...

Не издав ни единого звука, вожак большим прыжком с места увлек за собой стаю. Та ринулась плотной цепью, скорее живой стеной, в надежде опрокинуть противника, повергнуть наземь, дабы упиться победой силы, дикой, животной силы, природой наделившей зверя.

Вожак метил на бородача. В нескольких шагах от него, поджав под себя крепкие, пружинистые лапы, напрягая все силы для первого и главного удара, волк в азарте атаки прыгнул.

Он надеялся сбить человека с ног, что удавалось только ему, а дальше стая довершит свое дело. И, наверное, сбил бы, будь человек один на один с ним в схватке. Так, по-звериному, одержим он был в своем желании победы. Он чувствовал ее.

Данила едва устоял от сильного удара в плечо. Спасибо Коляде, тот выручил, поддержав друга. Крепкая рука стрелца, занесенная с ножом на зверя, описала только дугу в воздухе, даже не задев вожака. Шмырь разозлился на себя, что промазал, что не зацепил волка, зато тот оставил уже первый след: правый рукав кафтана и выше — все было разодрано, и красные лоскуты одежды добавили блеска в глазах хищника. Вожак снова пошел в атаку...

Отбиваться приходилось по кругу. Ножи стрелецкие хлестко рассекали тьму осенней ночи; отточенные лезвия их цепляли волков направо и налево, размашисто. К резким окрикам людей: «Поберегись!» или «Осторожно, Иван, не оступись!» — добавлялись подвывания волков, зализывающих свои раны. Других же кровь, окропившая землю, будто подхлестывала. Оскалившиеся, со злобным рычанием, они вновь и вновь бросались на людей. Теперь уже и людская кровь влекла их в эту бойню.

Данила только сейчас заметил и почувствовал боль от того первого удара, что нанес вожак. Кровь проступила через кафтан, липкая и теплая, она исторгала запах, раззадоривавший зверей. Да и то правду сказать, все больше волков покидали стаю, прячась в кустарнике. Ножи стрелецкие, что зубы молодецкие, работали отменно, но и все быстрее оставляли силы их, валившихся от усталости и напряжения ловить в ночи пары злых глаз. «Господи!..»

— Кажись, волчица? — Коляда заметил, как, оставшаяся одна (она видела, что редет стая и что вожак уже тоже отмечен красной меткой на холке), она решилась покинуть волчат, чтобы помочь вожаку. — Волчица справа, Данила!

— Вижу, попробуй ее отвлечь, Иван! — Шмырь сказал и сам стал пятиться назад, будто отступая, не поведая о своей задумке.

Волчица готовилась к прыжку, надеясь и на помощь вожака. Коляда разгадал замысел и потянулся ко второму ножу, достал и его. «Ну, голуба, выручай!.. Засапожником хлеб не резать!..»

Он еще успел различить в темноте, как Данила юркнул к волчатам и уже сгреб одного, и бежал к нему...

Все произошло в какой-то миг. Волчья пара шла в последнюю атаку. словно сговорившись, волчица и вожак,

сблизившись, разом оттолкнулись от земли, вложив в этот прыжок всю свою дикую силу и природную злость. Так красивы они были, так верны друг другу в желании одолеть врага, так завершали они свои атаки, повергая противника наземь и побеждая его. Неужто не одолеть...

Иван, падая, едва уловил, как прервалась изящность полета дикой силы, что могла прервать и его, просто его, жизнь. Два огромных зверя тяжестью злобы сбили его с ног (эх, не помогли и ножи...) и уже куражились над ним, разнося в пух и прах его одежду. Надолго ли хватило б его, не подоспей Данила.

А Шмырь, собрав последние крохи сил, словно беря неприятельскую стену, подбежав, с размаху полосанул по хребту вожака, стараясь отвлечь волков от Ивана.

Матерый понял, что придется поплатиться и собой, и, оставшись в одиночестве, все же решил продолжить схватку. Он хотел было уже вложить всю остатнюю силу в коварный удар, как услышал (нет, не почудилось...), что скулит волчонка. Ну да, ведь волчиха оставила их, придя ему на помощь.

Данила высоко поднял сеголетка, крепко держа его за холку, и занес над ним нож...

Громким и протяжным воем огласилась старица. Ууу-Ууу!.. Пойма реки словно очнулась от своего квелого, полусонного состояния, и в дальних зарослях шарахнулась навзлет какая-то шальная птица, совсем было уже готовая впасть в дрему до первой зари. Волчица, оставив поверженного на земле человека, теперь сама просила пощады. Она завывала протяжно и зычно, будто взывала ко всему живому на этой земле — и к маленькой травинке, и к куцему кустику ивняка, к каждой букашке, только что недавно на беду раздавленной ее мощными лапами в этой схватке — теперь она просила всех заступиться за ее волчонка. Вожак же, одержимый безумием от поединка и еще не отошедший от него, вдруг как-то странно повел себя. Он поджал хвост, нет, не трусливо, с едва слышным рычанием и лег рядом с волчицей, словно всем своим видом давая понять человеку, мол, отпусти малыша. Отпусти...

И только глаза их, вожака и Данилы, пристально смотрели сейчас друг на друга. Другие глаза и другого зверя. Будто и не он только мгновение назад шел, зная за что, на

человека, а теперь, смилив гордыню, просил не за себя, но за свое потомство... Вожак больше не в силах просить еще раз, также взглядом сильного, одержимого зверя, как это делал только сейчас, под плач волчицы, положил морду на свои крепкие лапы и отвернулся...

Стрелец осторожно опустил сеголетка на землю, и тот поспешил к своей матери. Данила не знал, что ему делать и что с Колядой? Он как-то отрешенно, еще не понимая до конца, что происходит, смотрел, как вожак, собрав поредевшую стаю, уводил ее поймой, вновь по открытому пространству, как бы давая понять людям, что побежденных сегодня нет, как нет и победителей — река тому свидетель. Молчаливый. Угрюмый. Скрытный. Да и кто ж еще?..

Опомнившись, Данила заспешил к другу, склонился над ним. Тихо позвал.

— Иван, друже... Эх, ты, Господи!... Потерпи чуток.

Поверженный наземь стрелец с трудом всматривался в лицо Данилы, будто впервые видел его. Силы, взятые зверем, не заслонили сознания — лицо его оживлялось. Даниле показалось, что Иван даже слабо улыбнулся.

— Слава Богу! Знать, есть он. Отошла беда, Иван, ушли волки... — Данила осторожно подложил свою шапку под его голову, осмотрел внимательно. — Потерпи, друже... Оклемаемся малость... Мы еще с тобой таких сударушек найдем!...

Даже ночь не смогла скрыть следов схватки. Да не скрыла двух улыбок и большой задумки на их челе. Ладно скроенные кафтаны напоминали более рубище бродяг; красные лохмотья их несли на себе следы крови и волчьих клыков. У Ивана левый сапог был разодран, а нога сильно повреждена.

Таковыми они не выходили даже из боя, вот уж воистину — пути Господни неисповедимы...

Данила осторожно подтащил друга к едва сохранившемуся шалашу (остальные были разметаны в пылу схватки), уложил и принялся снимать с него сафьяновый сапог, но тот не поддавался. Нож выручил: козловая, хорошо выделанная кожа разошлась лишь под лезвием холодной стали, и Иван вздохнул с облегчением. «Судя по всему, обошлось», — говорили глаза его.

— Благо б Еремей быстро обернулся, не пропадать же нам здесь.— Данила все смотрел в сторону реки, словно пытаясь высмотреть из холодной, колючей ночи долгожданную фигуру конюха Афанасия, да тщетно. Переправа молчала, река спала. Ночь кругом. Да и кто в такую пору сподобится...

...Не пришел человек с постоянного двора и на второй день, и на третий, и на четвертый. Данила уже целую седмицу колдовал над раной друга. С харчом малость просчитались — а кто знает? Зная наперед: идешь в лес на день — бери на неделю, стрельцы подобрали уже все сухарики, благо вода рядом. Выдюжили.

Словно за знахаря, обходил Шмырь всю округу, заглянул в буераки вдоль старицы и, на счастье свое, несмотря на осеннюю пору, разыскал несколько листиков сохранившегося едва подорожника — будто на милость им. Когда Данила менял свое нехитрое снадобье, подавая другу знакомую склянку с остатним зельем от Афанасия, Иван всякий раз улыбался вперемежку с дергающей болью. «И впрямь, знахарь!»

— Лежи, лежи, бедолага, — как бы отвечал тот на молчаливый взгляд Коляды. — Скоро запляшешь у меня, а там, глядишь, можно и нашей государыне-матушке пред очи явиться. Грешно будет всякому служивого прогнать да при ранах.

— Пожалел тоже, что я, юродивый что ли? — Иван надеялся на свои силы, и молодость брала свое.

Еще до появления Еремей Коляда начал пробовать себя на прочность. Днем, опираясь на крепкую суковину, как на праведный посох, он прохаживался по-над старицей, а когда уставал, присаживался на пригорок и оглядывался назад, будто прикидывая в уме: сколько надо еще отмерить саженей, чтобы окончательно распрощаться с проклятой хворью, вот угораздило-то.

...Еремей пришел скрытно, под вечер. Посланный Афанасием, поведал им, из-за чего задержка вышла. А получилось так, что подзадержались и стрельцы, сопровождавшие царицын возок да повозки с прислугой.

Прежде, как вышло-то, держали они путь на Суздаль, в Покровскую обитель, на пострижение опальной госу-

дарыни в монахини. Совсем недавно вся Русь пополнилась еще одним монастырем, где еще одна раба Божия, троекратно крестом распластавшись пред иконостасом в одном белом одеянии, очищала свою душу в покаянии и, взяв новое имя в постриге, вручала свою судьбу на сей раз только Господу...

Русское православие росло монахами да прихожанами, увеличивая числом паству Божию. В молитвах, поклонах и послушании раскаивалось в мирских грехах, что захлестнули землю русскую с приходом на нее опричнины.

Будто сама Чума из-под небесной опустилась на колеснице и повела за собой колченогую ватагу из злыдней-нехристей о двух руках, о двух ногах. А те, словно подвластные лишь ей одной, вскочили на коней, ударили плетью раздора и разметались по всей земле русской. И несть им числа...

И за что ей, царской наложнице, с миловидным личиком и глазками-васильками, не смеющей без слова мужского и лица-то поднять под зрящие яро очи царицы, с котомкой обернулась судьба... А Василисе Мелетьевой, следом идущей, — с ларцем да с камнями. Насильно мил не будешь, ибо сердце царицы — в руке Божией.

Но и Суздаль без колокольного звона провожал новопостриженную монахиню из Покровской обители. И только тонкий распев крохотных колокольцев на дугах тройки вороных рысаков был ей маленьким утешением от той прежней светлой жизни, что оставалась теперь на разбитой обочине Большого Московского тракта.

Борзые кони рвали мглу осеннего вечера и мерили саженьями лесную дорогу. При хорошей погоде да справном корме для коней можно было одолеть путь от Москвы на Суздаль к Мурому, посетив в поклоне златоглавую владимирскую Софию, и в одну седмицу. Но это если Бог милывал! В осеннюю же непогоду, при разбитых дождями дорогах, она давалась с трудом, да и постоялые дворы были редкими, скудными, неприветливыми — какой прок в это время от них, разве только лиходеям. И все же распутицу ждали: развязывала она все пути-дороженьки на воле, развязывала и крестьянскую волю, определяла новую долю. Приближался Юрьев день, и у русского крестьянина право

выбора единожды на весь год подавляло в себе холопское нутро. Уходить можно было на все четыре стороны или оставаться...

Царица Анна, покорная своей судьбе, с молитвой на устах просила всемилостивейшего об ангеле-хранителе в пути для всех ее людей. Боязливо поглядывая в маленькие оконца повозки, она натыкалась на красные кафтаны стрельцов и мокрые спины коней, чуть поодаль спешивших за царским возком. Конские чепраки промокли от дальней дороги и уже не служили украшением для их убора. Кони подустали без смены, люди посоловели от дальней дороги.

Сотника для такого дела подбирали долго, и выбор пал на татарина Резодея. В бытность свою приглянувшись Малюте («Во, басурманина душа, и имя-то какое — Резодей?»), и сумевший один из царских полков вывести к речке Велетьме, напугав местных черемисов и мордву, он и после Григория Лукьяновича служил верой и правдой царю. Резодей шибко знал Муромские леса на правобережье, но на Казань уже не ходил. Сменив татарский халат на русское платье стрельца, он многое принял и понял в Александровской слободе, словно однажды резким взмахом кривой сабли рассек детородную пуповину своего прошлого, навсегда распрощавшись с обычаями своих предков.

Царское слово что посох — само ведет! Как и было определено: путь держать по Большой Московской, не забирая в сторону к иноверцам. А велено было остановиться в землях с человеком православным, не более двадцати поприщ от Мурома, оттого Резодей и взял строго на восток. Благо что Каменным поясом не наказали любоваться...

Конь его, строгий и спокойный, шел рядом с царицыным возком. Седок молчаливо, в раздумье покачиваясь в высоком седле, не слушал разговора уставших в дороге стрельцов. Долгая дорога заставляет обернуться назад: он думал о правильности своего земного пути, о праведности прожитых лет; подаренные царем лесные уголья уже тогда вызвали желчную зависть близких к нему бояр, да царь будто этого не замечал, не хотел замечать, как не «замечал» в течение двух лет поставленного им самим во главе

земщины татарского царевича Симеона Бекбулатовича. Было велено ему заложить и большой дом у реки.

Обретя новую службу, он за минувшие десятилетия с трудом привыкал к нравам русского двора. Сама боязнь попасть в хитрые сети боярских интриг уже только за то, что он — басурман, засела в нем накрепко с самого начала его появления в Москве. Ему всякий раз было легче на душе, когда царь Иоанн отправлял его с поручениями подальше и надолго от столицы, и тогда цепкие сети опускались перед ним.

Вот и сейчас он был доволен своей отлучкой из слободы, хотя нынешний его отъезд в Муромские леса был с грустным исходом для еще недавней наложницы царя кроткой и молчаливой Анны. Благо грусть еще не печаль. В душе он ей сочувствовал, зная наперед, как будет ей тяжело, хрупкой и смиренной, надломленной, как колосок у дороги. А самое тяжелое испытание ждало ее впереди, ему уже знакомое, к которому никогда нельзя привыкнуть... Одиночество имя ему... И эти версты навстречу ему Резодей мерил с ней поровну и с нехотью, желая подольше оттянуть встречу с ним, будто желая показать и дать запомнить и обратную дорогу. Обратную...

Молва, как водится, всегда добирается на хорошем скакуне, а по ветру — так могла долететь и куда быстрее, ведь на постоялом дворе всегда ж бывает стайка воробьев...

Афанасий с недоверием посмотрел на сотника в длинном кафтане с нерусским лицом, но переправу взял на себя: государевы люди всяк обязывали.

«Кто их там разберет? Давеча одни — ныне другие...»

Стрельцы уже ладно сидели в седлах на той стороне, выстраивая повозки вдоль дороги, как по правую руку от них, со стороны ивняка, появились трое. Один из них, как показалось Резодею, был из местных холопов. Он шел первым, уверенно, не сбиваясь с тропинки, теряющейся в вечерних сумерках. Двое других держались сзади. Тяжело ступая, опираясь на плечо Данилы, Иван старался не отставать от него. Резодей, удивившийся неожиданным появлением неведомых людей, развернул коня. Подойдя ближе к сотнику, все трое сняли с головы шапки, низко поклонились в сторону цари-

цынского возка. Женская головка, окутанная в черное одеяние, кротко приняла поклон. Невольная затворница в пути, молчаливая странница, совсем не ожидала увидеть здесь, у реки, людей, отдающих ей дань уважения, чувствуя ее бывшее в такое смурное для нее время. Золотая гривна с тонкой шейки была снята, а яркий грешневик был заменен на скромную черную скуфейку. Судьба-злодейка аспидом обвила ее шею... И только с верой в молитве можно было раздавить эту гадину. «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю».

— Чьих будете? — спросил Резодей, не трогая с места коня.

— Тот, что первый, Еремей — из моих, в конюхах состоит, а эти — из ваших.

Данила, поддерживая друга, выступил вперед, пристально глянул на вопрошающего.

— По платью кафтаны наши сродни. В столбовых да худородных — не упоминаемся, да благо и в первой тыще не состояли... Поплечниками на Поганой луже в Белом городе тоже не стояли... Ни у Малюты, ни у Васюшки Грязнова песьими головами не размахивали... Поперву служили в армии князя Юрия Токмакова, ходили зимнем походом на Колывань. — Данила с Иваном хорошо помнили, как, держа осаду против шведов и ревельского магистрата, по царскому приказу на глазах всей армии опричники заковывали в кандалы и увозили двух главных воевод — Яковлева и Умного, правда, потом и сами опричники удалились.

— По приходе из Пскова до следующей зимы стояли в Александровской слободе... — И Иван втянулся в разговор, через силу продолжил: — Потом наш полк отослан был на Москву... Так что из служивых мы, вашего роду-племени, а вот по сердцу ныне — из вольных...

Нарочный царя молчал, раздумывая, как быть? Стрельцы прикидывали: «В какой власти нынче он? Возьмут с собой иль прогонят подобру-поздорову, чего у них на уме? Брести одним, днем сходя с большака, опасаясь всякого конного-верхового в кафтане иль кромешника в черном, ночью же — ожидая встречи на лесной тропе с голодным зверем, доля тоже горькая да уже испитая ими до дна.

Да и от судьбы, знамо дело, не спрятаться, не скрыться...»

Площадь Октябрьской революции

Мемориал и Вечный огонь на площади Октябрьской революции.
Автор Т. Холуёва

Вид на мартен с площади братьев Баташевых

Господский дом заводчиков Андрея и Ивана Баташевых. 70-е годы XVIII в. Архитектор М. Кисельников

Бюсты владельцев Выксунских заводов XVIII–XIX вв. на площади Metallургов

Здание гостиницы

Фонтан перед зданием Пенсионного фонда

Памятник мастерскому на месте рабочей Слободы
Нижне-Выксунского завода

Царицын возок безмолвствовал. В соседней повозке ключники и сытники, нарушая тишину, загремели посудой: «Может, подхарчиться малость?» Стрельцы из сопровождения, переглядываясь сочувственно, заботливо похлопывали по загривкам своих коней, едва натягивая удила, стараясь сдержать их порыв тронуться в путь. Молчание явно затягивалось, и, казалось, лишь дорога одна могла разрешить сей безмолвный спор. Объединить всех разом: и господ, и слуг, и служивых, и беглых — позвать, увлечь за собой, а там, глядишь, все и определится: кто кому судья и кто кому в тягость?

Да и то верно: ночь, опускавшаяся на землю, торопила их, словно заставляла определиться всех и сделать выбор. «Чего уж там, собирайтесь все да и трогайтесь в путь!» — будто ненавязчиво подсказывала и людям, и коням простая, исхоженная всяким человеком и лютым зверем, русская дороженька, не раз породнившая всех и всякого...

Данила вновь с надеждой глянул на царицын возок, вновь поклонился до земли.

— Государыня-матушка, не прими за срам иль трусость наш уход из полка. В любочестии мы замечены не были, да и нужды в опричной благодати нет. В немилости мы нынче у новых полковников наших, а государю самому неведомо про наше житие-бытие. Непокойно уж в который раз в московских полках.

Данила не каялся, нет, а ежели и был грех, так не на крови замешанный. Жалованья уже давно не платят: ни хлебного, ни полтину. Городовым казакам, тем хоть землю по полста четвертей дали, а нам что? В посадах недовольство зреет.

Резодей смекнул, куда клонит беглый стрелец, да промолчал: «Русские — сами меж собой разберутся».

Данила еще ближе подошел к возку. И уже совсем осмелев, молвил:

— Не гони от себя, государыня-матушка, смилуйся, зла на нас не держи. Рассуди праведно, подобру пойми нас. Служить будем верой и правдой, вот те крест, — Данила осенил себя крестным знамением, обернулся к Ивану.

— Мытари мы, какую неделю уже в пути, а седмицу назад на волков набрели... Да Бог миловал.

Коляда с трудом поднялся с земли, Еремей подсобил, с надеждой посмотрел на возок: «Неужто... ведь даже зверя одолели...».

Прислуга, потупив глаза, с состраданием смотрела на раненого стрельца.

— Бог вам судья, — только донеслось кроткое из возка, и опальная царица Анна вновь схоронилась, пропала в нем.

— Чумбуры отвяжите и дайте коней стрельцам, да поживей! — Казалось, этих слов Резодея ждали все, словно камень с души снялся. Тот махнул рукой, давая знать верховым, чтоб те трогались в путь.

Афанасий и Еремей подошли к своим стрельцам, поочередно обнялись. Когда Шмырь был уже в седле, Афанасий задержался малость.

— Прости, что задержка вышла с Еремеем... Храни вас Бог! Вот теперь ступайте.

— А может, свидимся еще, всякое бывает в жизни разлюбезной, пути Господни неисповедимы!.. — и, подхлестнув коня, поспешил догонять уходящих в ночь седоков.

Афанасий с конюхом стояли тоже недолго. Помахали рукой, да Данила не обернулся. «Хорошая примета». Все торопились шибко. Застоявшиеся было кони исправно взяли мерить дорогу, боялись сильно отстать. Вскоре и Данила уже скрылся из виду провожатых, а те с разговорами о дне грядущем побрели к свои лодкам...

...Как приговорил Резодею царь путь держать по Большой Московской, не забирая в сторону, к мордве иль черемисам, так он и следовал. Велено было остановиться в землях с людом православным. Так что, выступив из Мурома и переправившись через реку, нарочный царя Иоанна взял строго на восток, отмерив по солнышку тридцать поприщ от Оки, благо что Каменным поясом не наказали «любоваться»...

ЦАРИЦЫНСКИЙ КОРДОН

...Не проходило ни дня, чтоб не плакала да не горевала опальная царица, навсегда покинув и свои светлые и опрятные хоромы, и подружек-лебедушек, и любимую с детства старую няньку-кормилицу. Что ни день пути, то слезы и причитания, что ни ночь, то снился ей сон в возке: маленькая светелка в самом конце огромных покоев, широкий, белый подоконник стрельчатого окна и крохотные пальцы — душевная улада да предмет рукоделия Анны.

Сидит она, отложив их в сторону, смотрит глазами печальными на толстую вязь кованой решетки и видит себя птицей-зимородком, случайно оказавшимся здесь в столь жаркую, обжигающую зноем пору. А рядом, чуть поодаль, ее вечная спутница Евдокия, старшая верховная боярыня, не столько распорядительница в ее царевних покоях, сколько хранительница ее чистых помыслов, сохранившихся с девичьей поры тайн. И сколько же таких грез накопилось в ее терпеливой душе, а помнила она еще и первую жену царя — Анастасию, что время и самой молодухой стать, да только знала за свою долгую жизнь, что многие, молодые лицом, давно уж духом в стариках ходят. Вместе с царскими нарядами молодые суженые царя обретали на своем лице строгость и печать положения. Эх, молодость, молодость! ...Где ж вы, несбывшиеся грезы... Да и что оставалось ей ныне, разве только уповать на свою неведомую судьбу.

...На шестой день пути стали. Место Резодей определил на взгорье, в версте от небольшой, затерявшейся в здешних лесах речушки. Получив команду, пошли государевые люди валить лес, ставить срубы, и уже на Введение повалил из трубы царского терема сырой, едкий дым, забирая с собой влагу вековых сосновых кряжей и пахучего болотистого мха-долгунца.

Обосновались быстро. Резодей помогал: частенько с Оки заглядывал, привозил с подворья то честь соли, то рыбы царской, а то и просто поминок какой. В прошлый раз привез он Анне пестрые плахты. Понравились ей.

Да и как иначе: на Руси ведь почитали мучеников, а она опальная...

А хозяйство росло. Обзавелись дворовыми, которые полюбили сосланную царицу и стремились оказать ей всякую милость. Характер ее им по душе пришелся. И уже через год в двух шагах от терема появился в подарок от них небольшой прудок с диковинной для сих мест птицей. А были это белые, белые лебеди, одна утеха безвинной царицы. Подолгу, часами просиживала она на берегу того прудка, с тоской смотря на благородную птицу, время от времени бросая ей корм, приготовленный заботливой прислугой, смотрела и думала, как же тяжело ей, этой птице, небесной красотой наделенной, с природным изяществом писаным (да уж, потрудились Праматерь!) призванной одним существованием своим в радость человеку, словно перстом Божиим указывающим, как надо понимать ее, эту первозданную красоту, исполненную для него и только для чего же, человека, совершенства. И каково же ей, этой птице, оказавшись здесь, в лесной глуши, жестоко заточенной все тем же человеком, быть еще и в услужении ему. Только понял бы он ниспосланную красоту, осилил разумом, не оставил бы все пятен на ее благородном наряде.

И в этой отторженности от пространства и света, в этом одиночестве, глядя на белоснежную птицу, Анна узнала себя; она сравнила себя с нею, гордой и одинокой, неподвижно застывшей, а потому отчетливо отражающейся в водной глади кроткого лесного пруда...

...С тех пор минуло одиннадцать сороков. Некогда молодые лицом и духом давно уж в стариках на небесах ходят...

Много лет прошло с тех пор. Не один раз реки выходили из своих берегов, не один раз встречали буйные разливы поймы местных рек, а память о былом сохранилась-таки. Земля полна слухами. Имена да прозвища, чины да звания обернулись простыми русскими фамилиями в здешних краях. Рассыпались предания, словно капельки росы, по полю — памяти людской... Говорили и о кладе царском, и о «слове» потаенном — оно что знак: кто его ведает, тот

и дорогу к великому кладу найдет. Пред этим видение должно явиться, а явится оно тому, кто «слово» то знает... И молился тот дед, кому царица пред смертью то «слово» сказала. Молился день-деньской, дабы не запамätовать все, а когда и ему час помирать пришел, завещал своей дочери старшей Ефросинье. Не пропадать же кладу, да еще царскому, даром в земле, а уж отыщется...

Быль это или небыль, только спустя много, много лет, совсем в иное время, держал бывалый торговец на выксунском базаре какие-то причудливые монеты в своих руках. Щупал их недоверчиво, пробовал на зуб, пока не примерился под полой к знакомому царскому червонцу (уж больно похожа!), потом же штуку сарпинки отпускал и сбрую в придачу. Золото оказалось, всамделешнее!.. Самое настоящее!..

Правда, от самой усадьбы, царицыного терема, не осталось и следа — все тленно в мире этом. Камни капля точит, а камушки, подхваченные ветром, что пыль времен осела на эту землю. Сильно изменилась она с той поры. Отяжелела пойма, заросла резвой осокой, обмелела некогда полноводная речка Железница, обнажив из кладовой земли красные жилы розы железной. А появившаяся в этих краях лесная стража обозначила кордон, тот самый, за который не велено было пускать опальную царицу. Вот с тех пор и кличут то место в народе «царицыным», да не просто, а «царицыным лугом».

И словно в память о кроткой душе молоденькой царицы Анны каждую весну на склонах большого холма высыпает множество простых, но разноцветных лесных и полевых цветов. И сладостное разнотравье не покидает все лето пчела. И теплый дождь в одночасье оборачивается пахучим грибом. И птицы не облетают этих мест... Будто жертвенная душа ее смотрит на это место с небес, ведь прах ее у алтаря Природы.

Увы, ничего не напоминает забредшему на кордон путнику слово это. Разве только небольшой родник, уложенный в основании диковинным потрескавшимся красным камнем, откуда берет свое начало звонкий, чистый ручеек. Разве только это бросится в глаза усталому путнику, весь день бродившему по лесу и, к большой своей радости,

нашедшему потаенный родник. Как дорого он тогда стоит, этот глоток холодной, хрустально-прозрачной воды! Присядет он, наклонится и увидит едва различимую, уже совсем потускневшую фигурную плитку, аккуратно подобранный камень. Увидит и замрет в недоумении... Каково!..

Галина Николаевна
ХРАМОВА

ПОСЛАНИЕ ЧЕРЕЗ ВЕКА

По поводу названия нашего города существует ряд предположений, авторы которых ищут, что же означает слово Выкса. Связывают со словом «выкосы», с названием речушки Выксун и т. д. Лет тридцать назад ныне покойный редактор газеты «Выксунский рабочий» Михаил Михайлович Рогов в одной из своих публикаций счел, что название Выкса, должно быть, связано с марийским словом «икса». Я решила найти, что это за слово. Оно оказалось слегка измененным марийским словом, означающим лебедь. Но насколько верно это предположение и почему именно Выксе было дано именно такое имя *йүксӧ* в древности?

Сознание жителей нашего города прочно связано с историей заводов, построенных Баташевыми. А что было на этой земле до их прихода? Первое тысячелетие историки называют временем «великого переселения народов». Множество племен заселяли пространства Восточной Европы. Между ними шла извечная борьба за выживание: воевали, сгоняли друг друга с обжитых мест, грабили, уводили в плен. Марий-

цы также оказались в гуще этих событий. Их племя не было малочисленным, на юге оно соприкасалось с тюрками. Реки Волга и Ока, Вятка, Вязьма были привычным местом их обитания. Это их историческая родина. Шли века, и все, что ни происходило вокруг, отражалось на жизни марийцев. И Золотой Орде платили дань, так как оказались в ее составе в середине XII века. В XV — середине XVI веков основная часть населения находилась в составе Казанского ханства. Платили дань и булгарам, и русским князьям.

А уж совсем невыносимо стало от московских князей после времен Смуты. После изгнания поляков из Москвы в 1612 году и избрания великим князем Михаила Романова казенные подати и повинности на ясачных людей чрезвычайно усилились. Марийцы избегали сборщиков налогов. За это репрессиями их жестоко подавили вплоть до того, что их численность уменьшилась, а кровавые реки запомнились и отложились в генетической памяти народа.

Побежали марийцы вниз по Волге в леса, где со временем образовалась территория их нового края. Побежали на север и запад, где впоследствии заявили о своей новой общности эстонцы, финны. Таков небольшой исторический экскурс.

Обитая в давние времена на территории, где теперь живем мы с вами, марийцы не могли не оставить памяти о себе. Их слово *йүксö* закрепилось в названии города Выкса. По моему мнению, не потому, что марийцы были искусными охотниками и рыбаками, владели множеством других жизненно необходимых навыков, и не потому, что, дескать, в те времена водилось много лебедей и на них люди охотились. Ответ надо искать в их представлениях об окружающем мире. Марийцы жили в лесах, их культы были связаны с лесом, с деревьями. Поклонялись силам природы, Солнцу, Луне, Великому Богу. В качестве тотемных (священных) животных почитались медведь, лось, водоплавающая птица. Значит, лебедей они убивать не могли, а только поклонялись им. Очень вероятно, что новое поселение, которое возникло, и стало Выксой, они назвали именем прекрасной белой птицы в связи со своим молибщем и культом поклонения ей. Это мой вывод.

А пришел он ко мне после знакомства с книгами, подготовленными учеными йошкар-олинских вузов. В Республике Марий Эл проведена колоссальная работа по истории и этнографии своего народа. В городе Кирове (бывшей Вятке) ученые отыскивали исторические данные о возникновении деревень марийского края, перевели на русский язык их названия и поняли, по какому принципу назывались населенные пункты. Затем привлекли учителей, краеведов к работе над этим материалом. В результате в каждом районе республики был создан свой сборник обо всех населенных пунктах, когда какая деревня возникла, как называлась первоначально, насколько изменилось со временем ее название.

В Мари-Турекском районе Республики Марий Эл очень высок авторитет краеведа Веры Александровны Сорокиной. Она работала 15 лет педагогом, затем 17 лет заведовала местным музеем. Она приняла самое активное участие в создании исторической книги своего района. Рассказывая о ней, краевед поразила меня широтой своего кругозора. Оказывается, Москва — слово тоже марийское по происхождению: *Маска́* (медведь), *авá* (мать). В итоге Медведица. Так переводится название столицы России. Если первое упоминание о Москве относится к 1147 году, то понятно, как далеко на север подвинулись марийцы в I тысячелетии. От Волги и Оки до Вятки простиралась марийская территория. Жили они и в Муроме, называя себя мари, мары, марэ. В русских летописях об этом народе сообщалось в начале XII века. Русские поселения стали появляться на западных и северных окраинах марийских земель в XII веке близ устья Оки, на Унже, в средней Вятке.

— *Вера Александровна, почему вы считаете, что название Выхса идет от марийского йўксö?*

— Какой русский сумеет произнести такое трудное слово, состоящее из букв только марийского языка *й,ö*, да еще и *й* в начале? Оно должно было обязательно претерпеть изменения. Кто на Руси в давние времена доводил до народа высочайшие указы? Их называли толмачами от слова толковать, переводить. Толмачи записывали данные о населении поближе к своему языку, и происходило изменение исконно марийского

звучания и написания. А *йўксё* — это пример сплошь марийских звуков и их сочетаний.

Попробуйте поэкспериментировать, что у вас получится.

Буква *ў* дает переходный звук от *у* к *ю*. Буква *ё* читается как среднее между *о* и *е*. Первая буква в слове *й* дает с *ў* сочетание быстрое, резкое.

Вот и выходит в русском варианте что-то близкое к *икса*.

Теперь сравните слова *Выкса*, *йўксё* по морфологическому составу. Окончание состоит из одной буквы, корень слов одинаковый. Звучание обоих слов начинается динамически резко и коротко. В марийском варианте это идет от звука *й*, а в русском *й* превратилось в букву и звук *ы*. Добавили перед нею *В*, потому что нет в русском языке слов, начинающихся на *ы*. Вот и получилась *Выкса*.

Вера Александровна продолжила:

— Следующий путь, как добраться до первоначального смысла слова, — это искать легенду. В памяти народа всегда сохраняется рассказ еще от своих предков о далеких событиях.

— *Как, например, в Выксе у всех на слуху слово «лебедь». Это озеро Лебединка в парке, это магазин «Лебединка» и кинофильм у нас снимали «Лебединый рай».*

— Вот именно. И третий путь — архивные данные, как это сделано в нашей Республике Марий Эл. Как было, что записано в них, так и сохранилось. Здесь уж самая истина.

Я благодарю Веру Александровну за бесконечно интересные суждения. Какой сейчас интересный период работы у историков, лингвистов, этнографов Республики Марий Эл. Деревни, о которых они узнали в архиве, возникли как раз в результате притеснения московскими князьями марийцев в XVII веке. Названия деревень — это рассказ народа о себе: откуда они пришли, почему именно так называли свое поселение. Несомненно, изучение полученных данных — это новый вклад в историю своего народа.

Как мудро распоряжается мироздание, если и у *выксунцев* через название города протянулась связь с древностью. Название нашего города — это тоже как послание древних жителей о себе.

Николай Степанович
БУДКО

ОДИН ДЕНЬ ИЗ ПРОШЛОГО СНОВЕДСКОГО ЗАВОДА

*Памяти первопроходцев
и первоустроителей заводов
на выксунской земле посвящается*

В 2004 году отмечаются две даты, касающиеся истории заводов. Это 280 лет основания первого Сноведского завода, построенного посадскими людьми из г. Мурома Данилой Железняковым и братьями Мездряковыми (1724–1726 гг. — время деятельности завода) в устье реки Сноведи у Старицы. И вторая — 220 лет основания второго Сноведского завода, построенного Иваном Родионовичем Баташевым (1784–1891 гг. — время деятельности завода) на реке Сноведи, на 12 верст выше по течению от места первого завода.

1783 год начался для братьев Баташевых с радостного и давно ожидаемого события. По именному Ее Императорского Величества Высочайшему Указу от 18 января, — братьям Андрею Родионовичу и Ивану Родионовичу Баташевым восстановлено потомственно с детьми дворянское достоинство. Решение уравнивать в правах на наследство законных и незаконно родившихся детей (двое — от первого

брака и трое — от второго) — формальный повод к разделу имения между братьями. Иван Родионович опасался в будущем раздела имения между таким количеством наследников. Договор о разделе имения был подписан 15 августа, и Иван Родионович становился единовластным владельцем семи действующих заводов и восьмого — строящегося на Сноведе.

Ранним сентябрьским прохладным утром Иван Родионович, пригласив с собой управляющего Выксунскими заводами Тимофея Осиповича Жилкина, отправлялся на Сноведь. Накануне ему доложили, что стройка останавливается из-за недостатка рабочей силы. И чтобы принять решение, Баташев вызывает по очереди управляющих основных заводов и, справившись с их мнением, отпускает. И вот экипаж, запряженный парой добрых коней, управляемых возницей, отправляется в путь. Следом за повозкой также на конях движется охрана — двое вооруженных рунтов. Еще пошаливают в лесах разбойники приокской вольницы. Кони с трудом протаскивали экипаж на некоторых участках дороги, залитых осенними дождями. И вот на полпути новая преграда: вместо дороги — озеро, так разлилась небольшая, но многоводная река Громушка. Один из охранников, проехав вперед, показывает вознице направление уложенного на дорогу под воду настила из бревен и хвороста, обозначенного по краям вбитыми в землю столбами. Через два часа пути экипаж въезжает в село. На окраине путников встречает местный караул, несущий круглосуточное дежурство у дороги. Объяснившись со старшим караульным, Иван Родионович выходит из экипажа, разминая затекшие ноги, медленным шагом идет по дороге, ведущей к стройке. Справа от дороги саженья в сорока, на песчаных возвышенностях, поросших сосновым лесом, видны аккуратно срубленные строения. Это небольшое количество дворов с общими хозяйственными постройками, а на самом высоком месте — небольшой храм с низкой колокольней. Баташев знает — это общество староверов, осевшее в этих местах еще во время царствования Петра Великого. Далее слева и справа у дороги с правильной планировкой будущей улицы уже стояли законченные в большинстве своем срубы домов мастеровых

и устроенные подворья, наполненные звуками пробуждающихся домашних животных и утренними криками петухов. Не доходя до центра села, путники повернули влево, к плотине, и подошли к дому управляющего. Михаил Стребулаев, назначенный управляющим на новый завод еще Андреем Родионовичем, встретил Баташева и его слушников у террасы еще недостроенного здания конторы и, не дожидаясь вопросов, доложил Ивану Родионовичу о состоянии дел на стройке. Барину понравился молодой управляющий, его уверенный, излагающий самую суть доклад, отсутствие в речи и поведении даже намека на подобострастие, лесть и ложное чинопочитание — все то, что так презирал в людях Баташев. Выслушивая доклад управляющего, он в очередной раз с уважением вспомнил брата — Андрея Родионовича, умевшего подобрать способных и полезных людей, выгодно предложить им дело.

После доклада Баташев одобрительно кивнул, и после приглашения к столу путники во главе с молодым управляющим отправились в жилую половину недостроенной конторы, в которой проживал Михаил Стребулаев с семьей.

Между тем через час Иван Родионович в сопровождении своих управляющих начал осмотр стройки. Основное сооружение завода — плотина протяженностью около версты — сразу предстало перед глазами заводчика, как только он приблизился к стройке. Насыпанная еще при Андрее Родионовиче, она представляла собой законченное сооружение, уже задействовали сливы и водостоки для установленных двух водяных колес. У основания плотины велась постройка каменных корпусов для домен и литейного двора, работала лесопильня. Вся территория стройки была завалена строительным материалом: кирпичом, бревнами, досками, кучами глины и песка. Здесь же, на правом берегу реки, возводились стены молотовых и кузнечного корпусов. На левом берегу реки, у плотины, были уже отстроены амбары для хранения древесного угля и железной руды. Осмотрев эти запасы, которых должно было хватить на начало работы завода, Иван Родионович велел наградить рудокопов, добавив по одной копейке на добытый пуд руды. Здесь же стояла ветряная мукомольная мельница. Еще одна — на два жернова — находилась в вер-

сте от завода по течению реки. Слева к плотине подходила дорога, по которой подвозились руда и уголь из местечка Норки. Там же в землянках проживали сезонные рабочие из приписных крестьян — углежги и рудокопы. По левому берегу реки проходила дорога до самой Семиловской пустоши, и на всем ее протяжении копались дудки, из которых доставали руду, в ямах раскапывалась глина для строительства, на делянках выжигали уголь. Здесь же, на левом берегу, невдалеке от завода на буграх теснятся землянки и полуземлянки все таких же сезонных рабо-

чих. Но тихо в этом месте — большая часть крестьян еще весной разошлись по своим деревням на сезонные работы в поле и появятся лишь поздней осенью вновь отработывать денежный оброк своему помещику. Закончив осмотр, Баташев и его спутники вернулись в центр села. Это была небольшая площадь, на которой по выходным и праздничным дням собирался народ, предлагая в обмен или на продажу нехитрую продукцию своего огорода или подворья. Выходили входными воротами. На площади размещались недавно выстроенные постоялый двор с устроенной в нем харчевней, торговая лавка, заводской магазин. Заводчик осведомился о том, как снабжаются хлебными и иными припасами проживающие в селе люди. Михаил Стребулаев рассказал, что мастеровые получают жалованье, могут приобрести все необходимое в магазине или лавке. Сезонные рабочие обеспечиваются припасами в счет рабочих, не получая денег на руки, берут все в долг и лишь по окончании работ получают в расчет остаток заработанных денег. Но была на стройке еще одна группа рабочих, которые никогда не ходили по селу, лишь под охраной, да и жилье их, тщательно закрываемые на запоры сараи, — в удалении от села. Это беглые, захваченные в лесах: пугачевцы, удалцы из вольниц — муромских и касимовских лесов, беглые крестьяне от помещиков из центральных районов России — все они содержались за счет завода, и требовалось от них лишь одно — работа. У каждого из них была, наверное, мечта — связаться с прошлой жизнью, изменить которую они пытались, бушуя против установленных порядков. А в итоге — кандалы и круглосуточная стража в нескончаемой каторжной работе.

День подходил к завершению, постепенно утихал рабочий шум на стройке, и на фоне устанавливающейся тишины усиливался мерный шум падающей воды в водостоках плотины. Заводчик слушал рассказ сноведского управляющего о том, что у основания правого крыла плотины еще прошлой весной был заложен сад из фруктовых деревьев и ягодников, а также построена оранжерея для цветов и овощей. Баташев благосклонно выслушал рассказ о садоводческих и огородных нововведениях, с любовью осматривая оформившиеся культурные расте-

ния с молодыми побегами и слегка увядающим осенним листом. Поблагодарив строителей в лице управляющего за старания, заводчик пообещал в течение нескольких дней прислать с Нижнего завода несколько десятков рабочих им в помощь. Обязал управляющего принять и разместить людей в селе. Практически молчавший весь день Трофим Осипович Жилкин доложил, что, сверив чертежи и проекты, которые он привез с Выксы, ошибок и нарушений в строительстве не нашел, что все исполняется с отменным качеством и за успешный результат строительства он ручается. Прощаясь, Михаил Стребулаев наклонил голову и пожал поданную заводчиком руку.

Подойдя к окраине села, где Баташева поджидала охрана и экипаж, неожиданно в вечерней тишине люди услышали звук колокола, извещавшего о вечерней службе. Село стало оживать, из дворов выходили люди и смирно, в молчании шли к храму. Приближаясь к нему, осеняли себя двоеперстием и исчезали в его дверях.

Колокольный звон стих, из храма донеслось пение. Все это потрясло Ивана Родионовича, и, уже усевшись в повозку, он, обращаясь к молчавшему Жилкину, произнес: «Построили мы 10 лет назад на Выксе с Андреем Родионовичем Рождественский храм, и что? Намного стало меньше раскольников? Нет, стало быть, делить людей на небе — дело Божье, а на земле — государево!»

(Храм истинной веры был построен на Сноведском заводе в 1799 году на месте расселенной старообрядческой общины и освящен именем св. Николая, ставшего покровителем заводского села).

Валентина Васильевна
БАЛДИНА

«В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДЕ» АЛЕКСАНДРА ПИСЬМЕННОГО

Занимаясь краеведением, я собрала большой материал о литературно одаренных выксунцах и тех писателях, которые бывали в нашем городе или писали о нем. Часть его — о Выксе 20–30-х годов — уже опубликована.

И вот еще одно интересное для нас, дорогие читатели, произведение того времени: роман «В маленьком городе». Его автор — Александр Письменный. Этот хороший писатель 30–60-х годов прошлого века сегодня, к сожалению, полубытит. Многие выксунцы, особенно молодые, его не знают, не знакомы и с его романом. Люди старшего поколения помнят такого автора. Многие из них читали книгу и нашли сходство «маленького города» со своей родной Выксой (описание природы, экскурсии в нашу историю, множество примет выксунского быта тех далеких лет). Да и рассказывает роман о металлургах, их жизни и нелегком труде; написан с хорошим пониманием заводского дела, даже тех процессов, которые происходили в металлургии. Самые любознательные читатели задумаются: откуда у молодого тогда московского писателя такие обстоятель-

ные знания мартеновского цеха, печи, плавки стали, металлургического производства; откуда знание психологии рабочего человека?

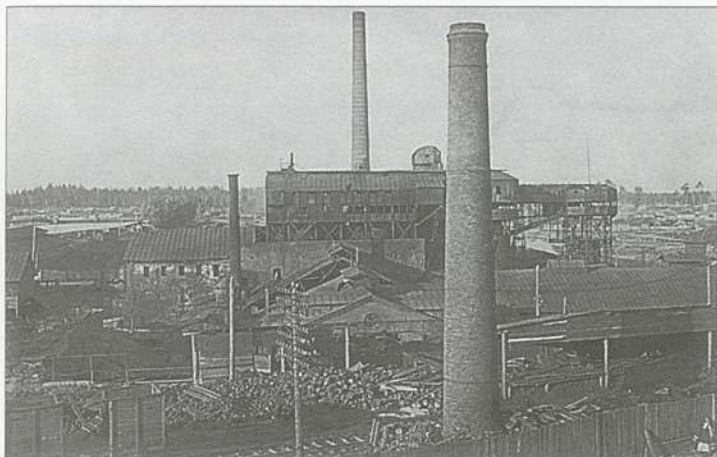
— Действительно ли произведение А. Письменного — первый роман о Выксе? — спрашивают они. — Чем он интересен для нас сегодня?

Обо всем этом я и хочу рассказать вам, мои читатели.

Начну с некоторых сведений из биографии писателя. Александр Григорьевич Письменный (1909—1971) родился в Артемовске в семье инженера. Подростком с родителями переехал в Москву, где окончил школу с чертежно-конструкторским уклоном. Работал слесарем, агентом по распространению книг, техником-строителем, конструктором. Окончил Уральский химико-технологический институт. Учился на филфаке Московского университета. Рано начал писать. Печатался в детских, юношеских журналах (благо тогда их было много). В 1928 году вышли в свет очерки и рассказы Александра Письменного. Спустя 10 лет было опубликовано его первое большое произведение — роман «В маленьком городе». И потом Александр Григорьевич много работает. Пишет очерки, рассказы, повести («Край земли», «Поход к Босфору», «Две тысячи метров над уровнем моря»), романы («Приговор», «Большие мосты»). Последние книги, подготовленные писателем: «Ничего особенного не случилось» (1975), «Рукотворное море» (1978), «Фарт» (1980) — вышли после его смерти.

И все-таки самым значительным произведением А. Письменного остается роман «В маленьком городе» (1938 год, журнал «Красная новь»). Изданный 70 лет назад, он и сегодня не утратил своего значения и свежести.

Перед нами в романе далекие 30-е годы. Думаю, сегодняшние наши читатели, особенно молодые, те годы, 30-е, представляют только как время подавления свободы личности, жестокого преследования инакомыслящих, кровавых репрессий и т. п. Я же напомним и о другом, что было тогда: первые пятилетки, ломка старого, ударные стройки, народный энтузиазм («Даешь Магнитку!»), наивная и светлая вера советских людей в коммунистическое «завтра». В самоотверженном труде и великих муках рождалось новое в жизни, в людях, в стране. «Республика наша строится,

дыбиться!» (В. Маяковский). Новая действительность, ее герой — рабочий человек — глубоко интересовали Александра Письменного. Он много ездил по стране, писал очерки о Тракторстрое, буровиках, мастерах цветного литья, о рудниках и маленьких поселках металлургов на Урале («Повесть о медной руде», «Буровая на море» и др.). Это были произведения на рабочую тему. «Из каждой поездки, помимо того, что я привозил для журнала, — рассказывал писатель, — оставалось много ценных впечатлений»¹.

Так приобретались знания, накапливался материал. Это и были подступы к большому произведению. Бывал А. Г. Письменный и в нашей области.

Из письма Александра Письменного М. М. Рогову, редактору газеты «Выксунский рабочий» (14.02.1960 г.): «В связи с созданием истории Горьковского края, принятым по инициативе А. М. Горького, я как-то попал в Выксу. Мне очень понравился Ваш город, окружающая его природа, его романтическое производственное прошлое, и я прожил в Выксе часть лета в 1936 году»².

Наш город заинтересовал писателя. Редактору горьковского журнала «Наши достижения», активным автором

¹ Письменный А. Из автобиографии. Фарт. — М.: Современник, 1980. — С. 11.

² Письменный А. Избранное. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 617.

которого Александр Григорьевич был, он писал: «...попал в Выксу и, обнаружив ее сходство с уральскими заводскими поселками, возымел желание в первую очередь заняться именно ею. Коротко о Выксе сообщу следующее: первый рельс в России прокатан на Выксинском заводе. В годы Гражданской войны, когда юг и восток были отрезаны, Выксинский завод был единственным предприятием, снабжающим республику металлом. Он работал без остановки. Самый древний и самый новый стан для прокатки труб принадлежит Выксе. Здесь Дворец культуры сделан из кирпича монастырской стены»³.

Собрав необходимый материал, Александр Письменный задумал очерк о Выксунском заводе. Очерк перерос в роман. В него вошел уже не только выксунский, но и уральский и другой материал. Произведение автор завершил в 1938 году и назвал его «В маленьком городе»⁴.

Каков же он, «маленький город» Александра Письменного?

Познакомимся с ним поближе. Расположен городок Косьва в центре России, на берегу огромных прудов, среди бесконечных лесов. Здесь люди тесно связаны с большим старинным металлургическим заводом, известным всей стране. Мы видим обычную жизнь рабочих-металлургов и их обычный повседневный труд. Обо всем этом автором рассказано правдиво, без ложного пафоса и неуместной романтики, естественно и даже душевно.

³ Там же. — С. 615

⁴ Первоначальное название — «Супруги Соколовские». В начале 50-х годов для отдельного издания автор существенно переделал и улучшил роман.

Город жил многие годы неторопливо, спокойно, размеренно-привычно. Но пришло новое время, и в Косьюве, как повсюду в стране, начались перемены, внешне не очень заметные, но подспудно глубокие. Идет борьба нового и старого, напряженная, порой драматическая. Так, производственный конфликт сталкивает рабочих нового мартена, нелегко осваивающих современную технику, с администрацией завода, которая живет по старинке, удобно, дремотно, далекая от нужд нового цеха. Этот конфликт определяет все главные события в романе. Есть в нем и любовная линия, так называемый «любовный треугольник»: он — она — он (И. И. Соколовский — его жена Вера Михайловна — К. Д. Муравьев).

У Константина Дмитриевича Муравьева в романе особое место. Это молодой инженер-металлург, доменщик со знаменитого завода «Серп и молот». В Косьюву приехал после разрыва с женой. Коренной москвич, он жил в большом городе, в самой гуще новых событий и проблем. На маленький город смотрит свежим взглядом, внимательно, изучающе. Этот герой по воле автора знакомит нас, читателей, с Косьювой и косьювинцами, с происходящими событиями.

А нас, конечно, прежде всего интересует то, что в романе наваяно Выхсой. Итак, обращаемся к первым главам произведения.

Знакомя московского инженера с работой мартеновского цеха, директор Абакумов вспомнил к слову, что «первый рельс в России прокатан будто бы на Косьвинском заводе. Главный инженер (Подпалов) тотчас похвастал, что кони на Большом театре в Москве отлиты якобы на Вдовенском заводе, входившем некогда в Косьвинский куст, но теперь закрытом»⁵. Начальник нового мартена Соколовский рассказал москвичу эпизоды из истории завода: «Знаете, здесь была куча маленьких заводиков: Верхний, Средний, Нижний — это только в Косье. Верхний — это доменный был. Две домны и сейчас стоят. Еще не видели? Самоварики на 20 кубометров. Их закрыли из-за нерентабельности. А Средний снесло в марте 1881 года. Была снежная зима, весной прорвало плотину и слизнуло все начисто. А тут поблизости, у реки, есть еще Брусчатинский завод — он входит в наш комбинат — там один стан до сих пор работает на воде. Как при Екатерине, честное слово»⁶.

С кем бы ни встречался в первые дни в Косье Муравьев, все старались рассказать ему историю заводов. Он узнал о том, как они возникли среди дремучих лесов, какая здесь была руда и как она добывалась в рудниках-дудках, какого качества выпускался чугун: «Это был чугун гибкий и упругий, как сталь. Чугунное кольцо... можно было сжимать, как пружину, и оно возвращалось к прежнему размеру. Из косьвинской стали делали косы и лопаты, которые разошлись по всей стране и попадали даже в Европу»⁷.

Косьвинцы любили рассказывать и старые местные предания «о страшных основателях завода и города, превративших весь округ в собственную вотчину, о тульских заводчиках Баклановых»⁸. Это были рассказы о подземельях с чугунными дверями, где Бакланов чеканил фальшивую монету, о мастеровых, работавших по 16 часов в сутки, о забавах хозяев и их приближенных. «Рассказывали Муравьеву о разбойничьих отрядах Бакланова, грабивших проходившие вблизи Косьвы обозы... Ему рассказали

⁵ Письменный А. Избранное. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 17.

⁶ Там же. — С. 18.

⁷ Там же. — С. 18.

⁸ Там же. — С. 57–58.

историю кургана, который находился вблизи стадиона. Один из рабочих фальшивомонетного двора, существование которого держали в строжайшей тайне, проговорился однажды своей возлюбленной. Бакланов узнал об этом и приказал заковать рабочего вместе с подругой и бросить в подземелье... Люк из подземелья выходил в парк, и прохожие, слыша стоны, начали разносить по городу слухи о новом преступлении хозяина. Тогда Бакланов велел каждому принести и бросить на крышку люка горсть земли»⁹.

Это была, конечно, легенда. Муравьев узнал их немало. Рассказчики советовали ему послушать стариков, любителей старины. Достали Константину Дмитриевичу и местную реликвию — бережно хранимый потрепанный роман Салиаса...¹⁰

Я привела, дорогие читатели, выдержки из первых глав романа. Думаю, вы уже поняли, как широко использован в них выксунский материал. И прежде всего наша история, наши предания и легенды. Изменение автором фамилий заводчиков, названий некоторых заводов нас не смущает: оно очень прозрачно. Неточности же незначительны. Что касается преданий и легенд, мы и сегодня их знаем немало и любим¹¹. И, пожалуй, реликвией для некоторых из нас по-прежнему остается роман Евгения Салиаса «Владимирские Мономахи» (далеко не лучшее сочинение писателя)¹². Справедливые слова сказал один из героев Письменного о Косье: «Здесь все овеяно преданиями старины глубокой, и забывать об этом нельзя».

Легко узнаваем в романе и сам город, его панорама, городские пейзажи, конечно, с поправками на прошедшие годы. Муравьев видит старинные заводы, на одном из которых — Верхнем — сохранились две заржавленные старые домны, четыре приземистых каупера древней конструкции. Огромные пруды — Верхний, Средний, Нижний.

⁹ Письменный А. Избранное. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 57–58.

¹⁰ Роман Салиаса «Владимирские Мономахи».

¹¹ В 30-е годы, когда еще живы были некоторые наши первые краеведы, автор «Маленького города» мог слышать гораздо больше выксунских преданий и легенд.

¹² События и герои в романе Е. А. Салиаса «Владимирские Мономахи» украшены богатой фантазией автора.

Бывший господский парк с дряхлыми липами, длинной прямой аллеей, посыпанный красным кирпичным песком, с открытой эстрадой для духового оркестра, с читальней, парашютной вышкой, со стадионом за серым забором. За парком — просторная, покрытая чахлой травой Красная площадь. Улицы города упирались в леса. Новые улицы возникали среди леса. Город был в основном одно- и двухэтажным, с прокопченными в заводском дыму бревенчатыми домами.

Людам старшего поколения, несомненно, хорошо знакома такая Выкса. И я помню свой город конца 30-х годов: детские впечатления всегда особенно ярки.

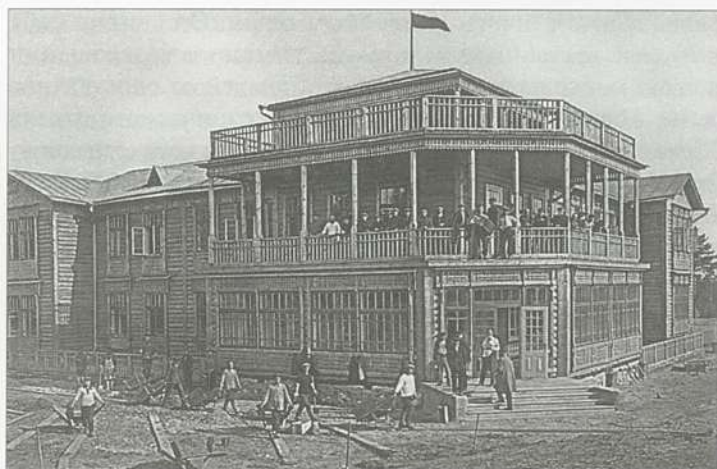
Таким видит маленький город Константин Муравьев.

Вначале в Косье он чувствовал себя непривычно, неудобно. Маленький, тихий городок, в который Константин Дмитриевич попал после громадной шумной столицы, где жизнь кипела, представлялся молодому инженеру отсталым, никому не нужным захолустьем. Здесь у людей, думал он, будничные занятия, ничтожные интересы, мелкие чувства. Муравьева сместила любовь косьвинцев к своему прошлому и «возмущали безобразные недостатки, которых так много было в этом городе»¹³, не особенно приспособленном, по его мнению, для жизни, как и уральские заводские поселки (Салда, Лысьва, Сосьва и др.).

Здесь не было театра, кинокартины показывали старые. В столовой нужно было полтора часа ждать заказанного обеда, а над буфетной стойкой висела как украшение гирлянда из начищенных подстаканников. В магазинах подолгу не было самого необходимого. Город не имел канализации и почти не имел водопровода. Телефон работал плохо, и в трубке слышалось множество голосов. Улицы, засыпанные доменным шлаком, были совершенно непроезжими и малопроходимыми. Много было и немощеных улиц, одна из них, с толстым слоем песка, так и называлась Песчаной (Пески). Косьва казалась москвичу глухой провинцией, медвежьим уglom...

Столь пространное описание Косьвы пусть вас, мои читатели, не удивляет. Я дала его не случайно. Именно в нем

¹³ Письменный А. Избранное. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 59.

непосредственные впечатления Письменного от Выксы, которые, по его словам, были использованы в романе: «Впечатления того лета (1936 года) и послужили фоном для моего романа»¹⁴. (письмо М. М. Рогову. 14.02.1966 г.).

Итак, фон произведения.

На этом фоне и разворачиваются события, нарастает производственный конфликт на металлургическом заводе. В нем участвует и Константин Муравьев. Он трудится на новом мартене. Цех этот оснащен современным оборудованием, но работает плохо и, не выполняя плана, срывает работу всего завода.

Здесь с квадратного метра пода печи снимают в лучшем случае несчастные три тонны плавки. Между тем старый мартен, работая в привычном режиме, перевыполняет нормы, а по Союзу уже гремит имя сталевара Макара Мазая, который систематически получает с квадратного метра пода печи по 12, даже по 15 тонн! Новомартеновцы тяжело переживают цеховые неурядицы, болеют душой за производство, борются за план, за качество металла. Но им нужна помощь со стороны администрации завода, а ее нет.

Директор завода Абакумов думает только о собственном спокойствии и собственном престиже. Трудности нового цеха его не волнуют. Главный инженер Подпалов вообще

¹⁴ Письменный А. Фарт. — М.: Современник, 1980. — С. 142.

равнодушен к производственным делам. Он считает себя в Косье временным человеком, мечтает о возвращении в свою московскую квартиру, к уставшей от одиночества жене. Начальник производственно-технического отдела Климцов занят организацией нового показательного стахановского «почина». В него вовлечена молодая шлифовщица Катенька Севастьянова, по неопытности решившая совмещать свою основную работу с работой наладчика станка. Результат этого несовместимого совмещения был плачевный: поток брака, протесты автосборочного завода, на который поступила бракованная партия труб для грузовых машин. Шумиха, поднятая вокруг так называемого «стахановского почина», обернулась большим конфузом.

Между тем борьба коллектива нового цеха с администрацией завода за создание нормальных условий для работы обостряется. Это и критическая статья в областную газету, и заседание заводского парткома с разоблачением «почина», и приезд на предприятие комиссии специалистов. В конце концов побеждает передовое, новый мартен выходит из прорыва. Цех на подъеме, и все — начальник цеха Соколовский, инженер Муравьев, рабочие, мастера — чувствуют себя именинниками.

Вскоре разрешается и любовная линия в романе, нелепая и недолгая. Вера Михайловна Соколовская, изнывая от безделья, от скуки, от обиды на вечно занятого своим цехом мужа, изменила ему с легко вступившим с ней в связь Константином Дмитриевичем Муравьевым. Любовными их отношения назвать нельзя: ни увлечения, ни любви не было, лишь стыд и сознание вины. Узнав о случившемся, И. И. Соколовский понимает, но не оправдывает свою Верусю. А К. Д. Муравьеву наедине говорит о недостойном, пошлом его поведении. Конфликт завершается благополучно, мирно. Для москвича это был урок великодушия его начальника.

В общей борьбе, в общей жизни Муравьев ближе знакомится с Косьвой и начинает по-иному смотреть на город, на завод и его людей. Маленький город больше не кажется ему отсталой провинцией. Конечно, это не столица, а периферия. Есть существенная разница в благоустройстве, в снабжении, в материальных и культурных благах. Да,

здесь еще много старого, но новое растет. И интерес козьянцев к прошлому родных мест теперь Муравьеву понятен. Просто они любят свой город, гордятся искусством своих предков-мастеровых. Здесь «существует историческая традиция мастерства, многолетняя производственная слава»¹⁵. Наследниками этой трудовой славы чувствуют себя лучшие рабочие, мастера, инженеры. Это и Геннадий Севастьянов, Гошка, молодой способный сталевар, который, по словам начальника цеха, «через 2–3 месяца будет работать как бог». Это и старый мастер Соннов — он «30 лет сталь варит и знает ее как свои пять пальцев». Это и лучший козьянский сталевар Степан Петрович Шандорин: про него «говорят, что он и из сметаны, если захочет, сварит хромоникелевую сталь». Это и начальник нового мартена И. И. Соколовский, потомственный металлург, беззаветно преданный работе, борющийся за новое на заводе. Вот эти и другие люди вершат свой каждодневный тяжелый труд, неприметное с виду дело, самоотверженно, вкладывая в него всю душу. Многие из них, уйдя на пенсию, возвращаются на завод, потому что не могут без него жить. А как глубоко ценят они труд! «Сапожник ты или врач, паровозный механик или садовник, пекарь или инженер, люби свое дело, верь в него и даже в то, что оно самое необходимое, — и будет тебе благо. А тебе — значит всем. Значит, и государству»... — говорит Степан Шандорин. А дядя Павел вторит ему: «Государство — это народ, в нем его мощь и сила... А народная сила в том, что каждый обязан соображать: ради какой такой доблести живет он на белом свете!.. Важная штука понять: самое главное для человека — жить на земле с наибольшей отдачей!»

Слушает с волнением этот разговор Константин Муравьев, чувствует в словах старых рабочих глубинную суть. И вдруг его пронзило светлое чувство причастности к чему-то очень большому. Подумалось: «Хорошо жить на белом свете, когда есть правда на земле!»¹⁶ Правда рабочего человека...

¹⁵ Письменный А. Избранное. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 58.

¹⁶ Там же. — С. 199–200.

Замечательные люди живут в Косье: работающие, сердечные, открытые, надежные! Муравьев теперь смотрит на них с уважением. Так же, как и мы, читатели романа. И мы понимаем: писатель рассказал о них с любовью.

«Маленький город и большой завод. Старое и новое сошлись, сомкнулись, вступили в противоречие». Писатель показывает нам, что в маленьком городке, пусть по его пыльным улицам бродят козы и куры, по утрам будит жителей пастуший рожок, а ночью невидимые в темноте сторожа стучат в колотушки, — в этом маленьком городе ключом бьет новая жизнь. Строится, расширяется старый завод, а вместе с ним растет город, растут люди.

Вот я и познакомила вас, мои читатели, с романом А. Г. Письменного «В маленьком городе». Вы имели возможность убедиться, что это действительно интересное, значительное произведение. Его первая публикация (1938 г.) вызвала не только живой интерес, но и горячие споры. Необычным было уже то, что главные герои книги — рядовые, обыкновенные рабочие люди, что говорится об их обычном труде. Нашлись критики, которые назвали роман «бескрылым», а изображение жизни и людей в нем — «приземленным», упрощенным. Но мнение большинства было доброжелательным, одобрительным. Читатели оценили любовное изображение автором простого человека, умение раскрыть значение повседневного труда для общества, для каждого человека. Труд, по мнению А. Письменного, основа всего, мера всех ценностей — материальных и духовных. О труде он пишет глубоко и увлекательно.

Именно эти замечательные качества романа «В маленьком городе» (хорошо показан рабочий человек и его труд) и сегодня, спустя много-много лет, интересны и дороги нам.

Книга А. Письменного должна особенно привлекать выксунцев. Ведь впечатления от Выксы, по словам автора, «послужили фоном для романа». Это, как я уже говорила, и пейзажи, и прошлое города, и прежние городские истории, а также некоторые производственные коллизии, сходственные фамилии и названия. Но напрасно стали бы мы искать здесь выксунских героев и полного сходства Косьвы с Выксой. Автор предупреждал от таких ошибок. «В романе, — указывал А. Письменный, — нет ни одного

героя, прототипом которого являлся бы кто-нибудь из жителей Выксы». И еще: «...мною использованы и многие другие наблюдения, не связанные с Выксой, и всякий иной личный житейский опыт... Иначе говоря, "В маленьком городе" — это роман, а не историческое исследование... Все, изображенное в моей книге, есть так называемый художественный вымысел» (из письма М. М. Рогову. 14.02.1960 г.)¹⁷.

А теперь мне хочется рассказать вам об одном курьезном случае, связанном с романом «В маленьком городе». О нем я прочитала в книге А. Письменного «Фарт» и слышала от Н. П. Ключарева.

Дело было так. Вскоре после напечатания романа «В маленьком городе» в Москву в редакцию «Литературной газеты» явились представители властей города В. (речь, разумеется, идет о Выксе) с большой критической статьей, в которой обвинили писателя в клевете и злонамеренном искажении истины. Город-де, описанный в книге, в действительности выглядит совсем не так, лица-де, выведенные как отрицательные, на самом деле порядочные люди и т. д.

«Литературная газета» печатать эту статью не стала. Обиженные товарищи отправились тогда в «Правду». Им там сказали так: «Во-первых, в романе город называется иначе, чем ваш; а, во-вторых, если вы все-таки узнаете свой город, то автор, видимо, не так уж погрешил против истины».

Восстановить поруганную честь не удалось, но власти города В. нашли достойный выход. «К полному удовлетворению жителей, в городе вдруг в спешном порядке стали мостить улицы, утрамбовывать доменный шлак, проводить канализацию. Подстаканники в ресторане сняли со стены и стали употреблять по прямому назначению. Отменены были также сторожа с колотушкой... Власти города развили энергичную деятельность, руководствуясь желанием поскорее сделать так, чтобы в моей книге читатели не узнавали их город»¹⁸, — заключает свой рассказ Александр Письменный.

¹⁷ Письменный А. Избранное. — М.: Художественная литература, 1982. — С. 618.

¹⁸ Письменный А. Из записных книжек // Письменный А. Фарт. — М.: Современник, 1980. — С. 74–75.

Вот так совершенно неожиданно роман «В маленьком городе» сослужил хорошую службу в благоустройстве нашего города в 30-е годы.

Смешная история? Да, смешная. Но и поучительная, не правда ли?

Выкса готовится к своему 75-летию. И нам, выксунцам, сейчас особенно интересно и полезно вспомнить, какой была она в 30-е годы, только что названная городом. Видимо, во многом такой, какова Косьва в романе Александра Письменного.

Сегодняшнюю Выксу маленьким городом можно назвать лишь условно. За прошедшие годы наш город разросся, расстроился, похорошел, набрал силу, изменился неузнаваемо, и прежде всего — наш знаменитый на всю страну металлургический завод.

Долгой и счастливой жизни тебе, дорогая Выкса!

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Данилович Москальчук

Вольному — воля, или ножи стрелецкие, что зубы молодецкие ...3	
Царицынский кордон	43

Галина Николаевна Храмова

Послание через века.....	47
--------------------------	----

Николай Степанович Будко

Один день из прошлого сноведского завода.....	51
---	----

Валентина Васильевна Балдина

«В маленьком городе» Александра Письменного.....	57
--	----

Редкая фотография:

Какое здание изображено на снимке?

Что в его окружении изменилось на сегодняшний день?

Варианты ответов принимаются по телефону 6-08-71.

Победителя ждет приз.

«Приокская глубинка» № 2 (8) 2009
Краеведческий альманах

Издание зарегистрировано
в Государственном комитете РФ по печати
Свидетельство ПИ № ФС 18-3716 от 10.01.2008

Учредитель
Управление культуры
администрации Выксунского района
Нижегородской области

Главный редактор
Галина Константиновна Никулина

Художник
Юрий Васильевич Гальянов

Адрес редакции
607060, Нижегородская обл.
г. Выкса, микрорайон Центральный, д. 20

Свободная цена

Издательство
603000, Нижний Новгород
ул. Короленко, д. 19^А
Телефон (831) 277-10-99
E-mail: a4@infonet.nnov.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
ООО «Растр-НН»

603024, Нижний Новгород,
ул. Белинского, 61
Телефон (831) 278-78-17
E-mail: rastrnn@nts.ru

Подписано в печать 05.05.09
Формат 84x108^{1/32}. Бумага офсетная
Гарнитура Newton. Печать офсетная
Тираж 1000 экз. Заказ № 390

Общество выксунских краеведов благодарит
главу администрации района Алексея Степановича Соколова
и начальника управления культуры Юрия Владимировича Жулина
за помощь в издании альманаха

